



КРЫСА
В ЛАБИРИНТЕ

Римма Кульгильдина

Римма Кульгильдина

Крыса в лабиринте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70449142

SelfPub; 2024

Аннотация

Компания друзей вместо празднования дня рождения оказалась в плену в мире огромных разумных ящеров. Ребятам придется доказать, что они не обычные пойманные зверюшки, а такие же разумные существа. Столкнувшись с собственными страхами, остаться в живых и попытаться вернуться домой...

Содержание

| | |
|-------------------|----|
| Аварийная посадка | 4 |
| Пойманные | 16 |
| Ярость | 39 |
| Кто же вы такие | 56 |
| Вместо эпилога | 96 |

Римма Кульгильдина

Крыса в лабиринте

Аварийная посадка

– Вот тебе, блин, и мягкая посадка, – проворчал Сызоев, пытаясь высвободить ногу и выбраться из кресла пилота.

Первым делом он ещё раз проверил связь. Ничего. Тишина. Самолёт он сохранил и посадил, точнее, приводнил. Вот только куда? Что это за местность? «Ладно, самое время проверить пассажиров», – вздохнув и мысленно дав себе подзатыльник, Сызоев стал пробираться в салон.

Всё, что не было закреплено, валялось вперемежку на полу: бутылки, остатки еды, перевёрнутые коробки, разбитая посуда и даже какая-то одежда.

– Эй! Все живы? – осторожно позвал Сызоев, медленно пробираясь через баррикады.

В углу раздался треск разрываемой ткани. С невозмутимым видом Ян отрывал рукав своей щегольской рубашки. Сызоев увидел красное пятно на его локте и похолодел. Но тут Ян, справившись с рукавом, скомкал испорченную ткань и швырнул её в угол, пробормотав себе под нос: «Чёртов кетчуп». Сызоев выдохнул и усмехнулся. Нетерпимость к любым пятнам на своей одежде у телохранителя Эммы ребятам

заметили уже давно.

Впереди, из-за сваленных коробок показалась спутанная шевелюра Ольги. Она охала, потирая ушибленные бока и тихо сетовала на то, что отстегнулась в самый неподходящий момент. Сызоев недовольно цыкнул и закатил глаза. Наверняка Ольга выполняла какую-нибудь неотложную просьбу подруги, наплевав на безопасность.

– Кто-нибудь видел аптечку? – поинтересовалась Ольга и не ожидая ответа, пробормотала себе под нос. – Мы же брали её. Должны были взять.

Рядом с ней, судя по всему, только что, пришел в себя Гений. На полу. Сипло поинтересовался из-под кресла судьбой своих рук и ног. Видеть его Сызоев не мог, а вот то, как он весьма активно и комично шевелил конечностями, говорило о том, что с Гением всё порядке. Эмма, самый главный пассажир на борту, сидела в кресле, крепко стиснув подлокотники. Она молчала, игнорируя не только вопросы друзей, но и то, что Гений пытался схватить её за лодыжку.

– Дорогие мои друзья и примкнувшие, – Сызоев коротко взглянул на Яна. – У нас произошла аварийная посадка в ебенях.

Ольга возмущенно фыркнула. Роман не обратил на неё внимания и продолжил:

– Я вижу, что все живы и практически здоровы, алкогольное опьянение разной степени не считается. Скажу прямо – мы потерялись. Связи нет.

– Планета Шелезяка. Воды нет. Полезных ископаемых нет. Растительности нет. Населена роботами, – имитируя механический голос, процитировал Гений известный мультик, за что тут же получил локтем в бок от Ольги. – Чего ты пихаешься?

– Нас будут искать, поэтому от самолёта не удаляемся и ждём помощи. Сели мы на воду, спасибо твоему папе за хороший самолёт. – Сызоев посмотрел на Эмму и поморщился.

Эмма не поднимала глаз, молчала и внимательно рассматривала свой маникюр. Плохой знак. Очень плохой.

– Сейчас нам надо собрать вещи и высадиться на берег. Ян, мы с тобой займёмся трапом, а Гений и Ольга посмотрят, что нам может пригодиться.

– А оружие у нас есть? – с улыбкой спросил Гений.

– Зачем оно тебе?

– Ну как же! Охотиться на диких зверей. Представьте себе – закоренелые жители мегаполиса, мы же в лесу. Вдали от цивилизации, с нами может произойти всё, что угодно. Это же здорово. Просто сказка, шанс из тысячи. Необитаемый остров. Робинзон Крузо. Граф Монте-Кристо, хотя это другое. Давайте здесь немножко поживём.

– Кукурузо, блин, – тихо, но отчётливо произнёс Ян.

– Оружия нет. Есть сигнальные ракеты, сухой паёк, аптечка и надувной плот. Всё как положено.

– Ну, раз кем-то положено... – развёл руками Гений.

– И наденьте спасжилеты. Ольга, достань непромокаемые

мешки, они в спинках кресел. Сложи сюда дополнительную одежду, пледы, не знаю, что ещё. Реши сама. Гений, ты что там ищешь?

Гений, который с интересом рылся в коробках, выпрямился и развернулся к ребятам. В одной руке он сжимал батон с колбасой, в другой – бутылку с пивом.

– Нам идти сквозь лес, препятствия и лишения, – замогильным голосом начал он. – Мы будем голодать и умирать от жажды. Дикие звери, птицы и комары – наши враги. И только у меня будет колбаса и пиво. Поэтому я стану шаманом нашего племени. Все женщины должны будут мне отдаться, а мужчины охранять как зеницу ока.

– Мечтай, – фыркнула Ольга.

– Это правда жизни, моя маленькая скво. Но я, так и быть, поделюсь с тобой. Чтобы в тяжелую минуту меня не оставила твоя милосердная рука. И когда мне будет плохо, ты бы погладила меня по голове и сказала...

– ... «Отдай колбасу, дурак», – писклявым голосом закончила за него Ольга и засмеялась.

Ян с Сызоевым фыркнули.

– Ты всё опошлила, – печально вздохнув, проговорил Гений и передал девушке найденные продукты.

– Учусь у лучших, – отсалютовала ему колбасой Ольга.

Пока Гений с Ольгой паясничали, а Сызоев и Ян открывали люк и скидывали трап, Эмма всё ещё неподвижно сидела в своём кресле.

– Скажи мне, Сызоев, – медленно начала говорить Эмма, словно обдумывала каждое слово. – Ты действительно хочешь сказать, что мы приземлились неизвестно где и не попадём сегодня на банкет? На банкет в честь моего дня рождения? Что мы застряли чёрт знает где и совершенно не можем выбраться отсюда самостоятельно? – голос Эммы набирал обороты. Все замерли. – И ты угробил папин самолёт?!

Эмма сняла поцарапанную туфельку и, размахнувшись, бросила её в Сызоева. Следом полетела вторая. А потом в ход пошло всё, что попадалось ей под руку.

– Ян, выноси, – громко скомандовал Сызоев, уворачиваясь от летящих в него предметов.

Ян схватил визжащую и брыкающуюся Эмму. Вдвоём с Ольгой они нацепили на неё спасательный жилет. Гений прыгнул на трап первым и, уже в воде подхватив слетевшую на него Эмму, поплыл с ней к берегу. Следом выпрыгнул Ян, потом Ольга с мешком. Сызоев покинул самолёт последним. Истерика Эммы заставила всех действовать быстро и слаженно. Впрочем, как всегда.

Друзья и телохранитель

Нежное ласковое море тихо шлёпало волнами по берегу, слегка облизывая кромку пляжа. Полуденное солнце играло бликами в иллюминаторах покинутого самолёта. Песчаный

пляж, на который они высадились, упирался в светлый лиственный лес. Друзья переоделись в сухое и Сызоев ещё раз повторил, что надо оставаться рядом с самолётом и не разбредаться по пляжу.

Говорить не хотелось. Истерика Эммы захлебнулась в воде, и Ольга уложила её безучастную на заботливо расстеленный плед. Ян сел рядом прямо на песок. Мелкие песчинки почти белого песка сыпались из его кулака, словно в песочных часах. Высыпав всё до конца, он снова загребал рукой и подняв кулак высыпал тонкой струйкой лёгкую пыль. Тёмные густые волосы, которыми восхищались девушки, были ещё в самолёте стянуты им в низкий хвост, чтобы не мешали. Чтобы чем-то себя занять, Ольга вяло разбирала взятые с собою вещи.

Истерика Эммы была обычной для их компании. Эмма была звездой и все четверо принимали этот статус. Красота, доставшаяся от матери и пробивной характер, воспитанный отцом, а главное, деньги семьи, открывали для неё любые двери. А вместе с ней всегда следовали её верные друзья. Так повелось ещё с детства. Класса с пятого, когда волей случая четыре подростка с совершенно разными судьбами и взглядами на жизнь оказались в одном классе. Сначала они терпеть друг друга не могли. И подружились только после того, как однажды подрались и в наказание были вынуждены вместе проводить уборку в классе. Как уж они тогда смогли договориться? Кто выступил инициатором мира? Никто из них

и уже и не помнил. Разве что Ольга. Но после той прогрессившей на всю школу драки и последующего наказания ребята поняли, что прекрасно дополняют друг друга. И вместе придумывать, и претворять в жизнь различные каверзы гораздо интереснее. И эффективнее.

После школы дружба их ещё больше окрепла. Они, как пазлы, сцепились намертво, помогая друг другу и в учёбе, и просто в жизни. Роман, которого все называли исключительно по фамилии – Сызоев – служил честью и совестью этой компании. Старший сын в многодетной семье всю сознательную жизнь по-мужски заботился о младших. Не ограничивая свободу, но давая опору и постоянное напоминание об ответственности. Всю жизнь влюбленный в небо, только благодаря отцу Эммы смог выучиться на пилота. Женька, сразу после школы официально поменявший имя на Гений, балагур и весельчак, неожиданно для всех увлёкся покером и заделался профессиональным игроком. Никто не ожидал такого от самого способного ученика, окончившего школу с золотой медалью и обожающего точные науки. У Гения с собой всегда была пара игральных кубиков, которые он подбрасывал, когда о чём-то глубоко задумывался. Ольга выучилась на медсестру и тут уж никто не удивился. Она всегда была добродушной, сердобольной девушкой. Особым умом не блистала и всегда держалась в тени своих друзей. Эмма, благодаря маме, с пеленок жившая в модельном бизнесе, не особо выбирала куда пойти после школы. Всё решили за неё.

«Ты рождена для подиума», – сказала мама и на этом вопрос был закрыт.

Когда Эмму стали узнавать на улицах, по настоянию родителей, к ним примкнул Ян. Официально – телохранитель. На самом деле, самое сложное, что ему приходилось делать, это вовремя уносить Эмму с бурных вечеринок.

Море, пляж, лес

Сызоев и Гений подошли к самому краю пляжа. Прибой шуршал, перебирая разноцветные камушки. Лизнёт песок. Подтащит гальку, заставляя её крутиться и тут же назад, словно жадина, прячет свои драгоценности. Странный это был пляж. Чистейший песок. Спокойное море. Кромка моря метров тридцать, а по краям валуны огромные. Тихая бухта. «Как я здесь сесть умудрился», – поёжился Сызоев. А за спиной лес. И не так, чтобы далеко. Высоченные деревья, упирающиеся в небо. Тишина.

– Скажи мне, кудесник, любимец богов, – как всегда с прибаутки начал Гений, заставив Сызоева поморщиться. – Что всё-таки случилось?

– Я не знаю, – просто ответил Роман, и ему внезапно стало легче.

Признаться старому другу оказалось проще простого. Сызоев, действительно не знал, что произошло и действовал, заставляя себя не думать о причинах. Он привык, что все-

гда держит ситуацию под контролем без малейших осечек. На любую ситуацию у него есть заранее просчитанный план, и именно эта собранность помогла ему сегодня. А вот сейчас... Он совершенно не понимал, что произошло.

– Мы вошли в зону турбулентности и всё было штатно. Потом пропала связь. Потом стали отказывать приборы. Не представляю, как мне удалось... посадить самолёт, а не разбить его.

Сызоев наклонился, поднял маленький камушек и бросил его в море.

– Саботаж? – спросил Гений.

Он тоже поднял гальку и, примерившись, кинул. Камень улетел дальше кругов, оставленных сызоевским, и Гений победно улыбнулся. Как всегда, когда хоть в чём-то опережал Сызоева. Это соревнование длилось между ними ещё со школьной скамьи.

– Жень, – уже много лет Сызоев не называл его этим именем, и глаза Гения мгновенно потемнели, а кулаки непроизвольно сжались. – Жень, – не замечая реакции друга, повторил Сызоев. – Я не знаю. Не знаю, что случилось с самолётом, и не знаю, где мы.

– В смысле не знаешь, где мы? – Гений всем телом развернулся к другу. – Не думал, что такое возможно.

– Местность не сходится с картами. Понимаешь? Побережье, да. Мы именно сюда и летели. Не знаю, мог ли я насколько сбиться... Где-то в этой точке должна начинаться

посадочная полоса, мы здесь с моря садимся и в море взлетаем. А мы где? Пляж, лес, горы. И нет никого. А мы же на курорт летели, понимаешь? И место какое, видишь, чистое. Да здесь должно быть народу, как сельдей в бочке. Лето, самый сезон. Даже, если предположим, пляж частный... Нас бы уже увидели. Кроме того... нет на картах этого леса! Море – да. Пляж – возможно. Горы, бог с ними, горы тоже да, хотя и дальше. А вот лес... Леса не должно быть. И тихо так, что уши закладывает.

– Это у тебя с непривычки, – автоматически выдал Гений и оглянулся. – Но никого нет, это факт.

Налетел прохладный, влажный ветер. Поиграл, перебирая, кудри Гения, забрался за шиворот футболки, вылез через рукав, обнял, как будто подхватывая на руки, и зашептал: «Это ничего, ерунда. Это ничего».

– Это ничего, – невольно повторил Гений вслух и удивился, ветер как будто исчез. – Станный ветер.

– Ветер? Какой ветер? Полный штиль, даже волн почти нет, – с досады Сызоев снова поднял маленький камушек и запульнул в море.

Лес высился за их спиной. Кроны деревьев упирались в лазурное небо и цепляли на верхушки редкие облака. В шелест листьев, легкий шум прибоя, в тихое нашёптывание ветра вплетался чуть слышный мелодичный звук, будто где-то далеко играли на флейте. Или это пел тростник? Или это птица какая выводила свои ноты и созывала птенцов. Или

это всё причудилось, и есть только лес, море и ветер. «Тиии-ишеееее, дааальшеееее», – зашептал ветер и горячодохнул Гению в макушку. Он повёл плечами. Лес забеспокоился и начал кивать гибкими стволами деревьев, протягивая ветки к морю. Волны стали подбираться к ногам путешественников. И птица снова затянула свою песню и всё звала, звала своих птенцов.

– Гений, Ромка, вы слышите эту музыку? – донёсся до парней голос Эммы.

Друзья резко обернулись.

Эмма в коротких шортиках и узком топе, приплясывала от нетерпения на пледе и махала руками. Увидев, что привлекла внимание ребят, она спрыгнула босыми ногами на песок. Зашипев от горячих песчинок, быстро натянула легкие кроссовки и стремительно двинулась в сторону леса:

– Идёмте посмо-о-отри-и-им!

– Эмма, стой! – вскочил Ян и кинулся к ней.

Девушка оглянулась и рысью бросилась в лес.

«Да-а-а-альше-е-е, ти-и-ише-е-е», – зашептал снова ветер, залезая Гению за шиворот. «Да пошёл ты», – обречённо подумал Гений, и, подобравшись, кинулся вслед за Яном. Секунду спустя к нему присоединился Сызоев, а потом и Ольга.

Ребята очень быстро догнали подругу, но, странное дело, не остановились, а продолжили бешеные скачки. Они неслись сквозь лес в радостном возбуждении, перепрыгива-

ли через упавшие стволы деревьев, пригибались под сучьями, которые могли зацепить их за одежду, уворачивались от хлестких веток-плетей и закрывали лица от колючек. Они мчались без единой мысли в голове, наслаждаясь напряжением мышц, и только птичья мелодия становилась всё слышнее и появился ритм, поддерживающий их бег. Он впечатывался в сердце, отмеряя стремительные рывки.

Ребята вылетели на поляну и внезапно остановились, как будто врезались в невидимую стену.

– Ой, мамочки, – выдохнула, в панике зажав себе рот, Ольга.

– Мне кажется, нам нужно отсюда побыстрее уйти, – почему-то шёпотом сказал Ян и потянул за собой девушек.

– Поздно, – внезапно севшим голосом произнесла Эмма, обернувшись.

Пойманные

За их спинами, перекрывая дорогу назад, стоял огромный варан. Твёрдо опираясь на задние лапы и толстый хвост, он внимательно и спокойно рассматривал столпившихся перед ним людей. Маленькие глазки практически не мигали. Зелёная кожа блестела, словно её только что щедро смазали маслом. Вытянутый в челюсти череп покрывала чешуя. Словно в фильме ужасов про потерянные миры, ящерица-переросток не спускала глаз с испуганных людей.

Точно такое же существо стояло в центре поляны, на край которой выбежали друзья. Комфортно расположившись на собственном коротком хвосте, он покачивался на нём, как на табуретке. В передних лапах варан удерживал длинную дудочку. Периодически поднося её к вытянутой пасти, он виртуозно выдувал ту самую мелодию, что гнала ребят через лес. Но вот музыка изменилась. Она больше не предлагала бежать. Она ласкалась, заботливо укутывая и предлагая успокоиться. Довериться. Выровнять дыхание. Расслабиться.

И следовать за ящерами.

– Где мы, Тотошка? – медленно проговорил Гений, подчиняясь зову музыки.

– Давайте рассуждать логически, – с преувеличенным энтузиазмом начал говорить Гений.

Он только что, как опытная бойцовая ищейка, облазил и обнюхал всё помещение, в котором их закрыли. «Как в клетке», – эта мысль очень не понравилась Гению. Как только они остались одни, он с неуёмной энергией принялся исследовать внушительных размеров грот.

Поддавшись музыке на поляне, ребята, как одурманенные, пошли вслед за своими провожатыми. Варан с дудочкой плавно шёл впереди по узкой тропинке, петляющей между деревьев. Мелодия влекла за собой, не давая возможности запомнить дорогу. Лес, лес кругом. Вековые деревья и буреломы. Всё дальше в чащу. Всё темнее вокруг. Второй варан замыкал цепочку идущих гуськом людей. Сколько они шли, никто из ребят потом не мог вспомнить. Потерялись во времени.

Мелодия резко прервалась, когда они вышли к горе. Деревья впритык теснились к подножию нависающей скалы и перед входом в пещеру расступились полукругом. Сам вход выглядел, как огромная ровная арка с отполированными стенами. Дорога, что вела вглубь горы была широкая и уходила в темноту, но как только они вошли внутрь, сверху полился тусклый свет. Но на всё это ребята не обратили никакого

внимания, всё ещё находясь под впечатлением замолчавшей уже музыки.

Дальше шли тоже гуськом. Несколько раз сворачивали в боковые проходы и, наконец, оказались запертыми в глубокой нише. Прутья решётки были толщиной в человеческую руку и упираясь в пол, уходили вверх в потолок. Стены их неожиданного обиталища были тёплыми. Так же, как и пол. Гений несколько раз провёл ладонью по гладкой поверхности и даже приложился щекой. Освещения в гроте было тусклым, но его хватало, чтобы рассмотреть камень глубокого чёрного цвета, отполированный до зеркальности. Но вот, что было странно. Зеркальность полированного камня не была скользкой. «Допустим», – подумал Гений. Почти сразу, начав исследовать грот, он наткнулся на длинный выступ, похожий на широкую скамью или скорее полати. Парень тут же прилёг на них, покрутился и довольно хмыкнул. Не перина, конечно, но лежать можно. Гений вскочил и кивнул Сызоеву на найденный выступ. Его друг подошёл, присел, попрыгал для верности и тут же вольготно развалился на нём, как на кровати. А Гений продолжил свои исследования, не обращая внимание на то, чем заняты остальные его спутники. Планомерно обошёл весь грот по периметру и нашёл ещё одно углубление. Заглянув туда, Гений пробормотал: «Ага. А это туалет типа сортир». Рядом из стены вытекал маленький фонтанчик, но ни запаха сырости, ни вони нечистот не было. Помещение было сухим, а воздух – очень

свежим.

– Всё страньше и страньше, всё чудесатее и чудесатее, – пробормотал себе под нос Гений.

С этими мыслями он вернулся к своим друзьям и сказал:

– Давайте рассуждать логически!

– Я не могу рассуждать логически, – устало произнесла Эмма, прекратив своё бесцельное шатание из угла в угол. – Я ссать хочу.

– Эмма! – возмутилась Ольга.

Она сидела на полу и рассматривала свою разбитую коленку. Где и когда она так сильно стукнулась, девушка не помнила:

– Информации «хочу в туалет» будет достаточно.

– В туалет я хотела на пляже. А теперь я хочу ссать!

– С этим я тебе сейчас помогу. Пойдём, – Гений увлёл Эмму в сторону сортира.

– Да вы издеваетесь!!! – послышался гневный возглас девушки.

Ольга вздохнула и, вернувшись к исследованию своей ранки, осторожно потрогала края рассечённой кожи:

– Интересно, а есть ли здесь аптечка? Надо было мне захватить её с собой.

– Если бы я знал, что мы здесь окажемся, я бы взял колбасы, – мечтательно сказал вернувшийся Гений.

– И воды, – добавил Сызоев.

– И фонарик, – Ян стоял рядом с решёткой, закрывающей

пещеру, и пытался что-то рассмотреть в тусклом свете.

– И туалетную бумагу, – сказала вернувшаяся к ребятам Эмма.

Обратившись к Ольге, добавила:

– Там вода проточная. Ранку промой.

Ольга осторожно встала и прихрамывая пошла в углубление грота.

Никто не заметил, как рядом с решёткой появился ящер. В лапах он держал большую доску, на которой одной бесформенной кучей лежали порезанные плоды, а рядом прилегла большая лохань с водой. Пара шагов – ящер оказался внутри грота и поставил доску на пол.

– Это что? – Эмма задохнулась от возмущения. – Мы как свиньи должны хлебать? Мы для вас кто вообще? Нам нужны тарелки. Тарелки, чашки и приборы. И не помой, а нормальная еда. Вот это все, – она обвела рукой доску. – Никто из нас есть не будет.

Ящер внимательно слушал Эмму, а потом опять пододвинул доску к ребятам.

– Нет! – Эмма упала на колени и с трудом сдвинула доску в сторону ящера. – Нормальная еда! Всё отдельно! Вилки, ложки и тарелки каждому! А ещё нам нужна аптечка. Лекарства. У нас раненный, – она показала на свою коленку и сделала вид, что ей больно.

В этот момент вернулась Ольга. Эмма вскочила, подбежала к подруге и показала на её разбитую коленку:

– Вот! Понимаешь?

Ящер покряхтел что-то тихонечко, забрал доску и вышел.

– Думаешь, принесут?

– Думаешь, он тебя понял?

Спросили Ян и Сызоев одновременно и переглянулись.

– Что-то мне не хочется их лекарств, – осторожно сказала

Ольга.

Что здесь происходит?

– Кстати, о фонарике, – словно очнувшись, Гений захлопал себя по карманам и из заднего кармана джинсов достал телефон. – Нуаля!

– Он не выпал, пока мы бежали. Связь есть? – Сызоев подскочил к другу.

– Глубокие карманы, братан, – Гений усмехнулся. – И у тебя ничего не выпадет.

Заряд у телефона был полный, уж что-то, а телефон, который был практически рабочим инструментом Гения, он всегда держал заряженным.

– Связи нет, – удручённо проговорил Гений. – Даже на-мёка.

– Зато фонарик работает, – довольно отметил Ян.

– Глушат? – предположила Эмма, подходя поближе.

– Непонятно. Но вот разглядеть решётку повнимательнее мы теперь можем. – Гений провёл рукой по решётке – Здесь

нет замка. Она цельная. И прочная. И потолка я не вижу. Чёрт, не добивает фонарик. А здесь у нас что? – Гений присел на корточки, утащив за собой Сызоева.

Ян с девушками с интересом слушали его, разглядывая решётку.

Всё, что они смогли рассмотреть, говорило о том, что прутья решётки вырастали из пола. И составляли с ней единое целое. Ни стыка, ни зазора. Сызоев поковырял пальцем предполагаемое место соединения, провёл ладонью по полу, потом по одному из прутьев ограды.

– Технологии? – произнёс Ян.

– Интересно, чьи, – вздохнул Сызоев.

Неожиданно из темноты коридора к решётке шагнул ящер. Ребята отпрыгнули в разные стороны, а Ольга, не удержавшись на ногах, шлёпнулась на пол и тихонько всхлипнула от боли. Никто не отреагировал. Все внимательно смотрели на ящера, пытаясь зафиксировать, как он будет проходить в грот. Ящер степенно подошёл вплотную к решётке. Толстые прутья мягко изогнулись и пропустили его внутрь, тут же сомкнувшись за его спиной.

– Ни фиги себе, – прошептал Ян.

На этот раз на доске, которую им принесли, теснились маленькие пустые плошки, блюдо с целыми плодами, миска, полная длинных белёсых волокон, и лохань с жидкостью. Сбоку лежали тонкие палочки. Повертев головой и взяв с доски маленький кожаный мешочек, ящер направился

к Ольге. Она в испуге принялась отползать назад и упёрлась спиной в прутья.

– Что вам надо!

Ящер раскрыл мешочек и показал когтистым пальцем на разбитую коленку девушки. Резко запахло травами и чем-то явно химическим.

– Я не буду это мазать, – неуверенно произнесла напуганная девушка. – Не надо мне экспериментов. Само заживёт.

Ящер постоял, держа на вытянутой лапе мазь, потом пальцем зачерпнул пахучую массу и положил мешочек на пол. С лёгкостью, словно пушинку, поднял Ольгу. Плотно прижал её к прутьям решётки. Мазнул мазью по коленке. И отпустил. Всё произошло настолько быстро, что Ольга не успела издать ни звука и кулём рухнула на пол. Зелёный монстр грубо сунул ей в руки мешочек и вышел из грота. В полной тишине ребята слышали удаляющиеся шаги ящера, разносившиеся эхом по пещере.

– Если рассуждать логически, – после долгой паузы отозвался Сызоев, – то мы в полной жопе. Связи нет. Кто это – мы не знаем. Чего ящерицы хотят от нас – тоже непонятно. Как выбраться— неизвестно. И, главное, куда.

– Что значит – куда? – встрепенулся Ян и повернулся к Сызоеву.

– Ты думаешь, что трёхметровые ящерицы, которые ходят на двух ногах, живут в пещерах и отлавливают людей, это такой затерянный мир в нашей реальности? – непонятно от-

чего раздражаясь, стал задавать вопросы Сызоев.

– Нуу... реалити-шоу, эксперимент, научная лаборатория? У меня не укладывается в голове, что ящерицы реальные, – Ян пожал плечами, привычно игнорируя недовольство в свой адрес.

– Очень даже реальные, – всхлипнув, заметила Ольга, поднимаясь и подходя к ребятам. – Сильные, и кожа у них не масляная, а холодная и немножко влажная, – её передёрнуло от нахлынувших воспоминаний.

На то, что она перестала хромать, никто не обратил внимания. Ольга на ходу заплетала свои длинные волосы в косу. Похлопала себя по карманам в поисках резинки и не найдя ничего, просто перекинула её на спину. Ян стянул со своих волос чёрную резинку и протянул ей. Волнистые, всё ещё мокрые волосы, красиво рассыпались по его плечам, и Ольга незаметно вздохнула.

– Технически не трёхметровые, а, скорее, чуть больше двух метров, это ради занудства. Но да, данных маловато, – пробормотал Гений, тыкая палочкой в бледные волокна, лежащие в миске. – Интересно, это можно есть?

– Давайте поедим. Сдохнем, так все вместе, – предложил Ян и первым отправил в рот странную мешанину и принялся тщательно жевать.

– Оптимистично, – усмехнулась Эмма, но спорить никто не стал.



«Приснится же такое, – сквозь сон удивился Сызоев. – Это что же мы пили вчера, что я такой приход словил».

Он открыл глаза и тут же снова зажмурился. Не приснилось. Грот ярко освещался. Повернув голову, Сызоев увидел друга, который уже встал и совершал странные манипуляции. Он крутился вокруг решётки, то медленно, то быстрее подходя к ней, и упираясь в прутья всем телом.

– Ты что делаешь? – хриплым спросонья голосом спросил Сызоев.

– Танцую, – слегка раздражённо ответил Гений. – Шутка. Я не могу понять, как они через неё проходят. Я менял скорость, ритм шагов, даже подпрыгивал – нифига. Облазил её вдоль и поперёк в поисках зазоров и стыков, но фиг – она цельная.

Он прислонился к прутьям и достав из кармана игральные кубики, принялся вертеть их между пальцами.

– Когда ты успел всё это натворить? – Сызоев сел и потянулся.

В пещере было тихо. Умиротворенно тихо журчала вода в дальнем углублении и если закрыть глаза, то можно было представить, будто включён домашний фонтанчик. Остальные собратья по несчастью спали вповалку на возвышенности в нише, которую нашёл вчера неугомонный Гений. Было

тепло и свет заботливо струился сверху. Но запрокинув голову, источник света было не видно.

– Я рано встал, – хохотнул, вспомнив старый мем, Гений. – Но не раньше, чем ящерицы. Они нам уже завтрак принесли.

Вместо старой доски с едой стояла новая. Чистые плосечки, полные миски именно тех плодов, что были съедены ребятами вчера. И вода.

– Обслуживание в номерах, – усмехнулся Сызоев и встал.

– А в тринадцатый номер – шампанского! – воскликнул его друг и, переглянувшись, они оба громко захохотали.

От хохота стали просыпаться их сотоварищи.

– О боже, как же жёстко! Моя спина, – простонала Эмма, поворачиваясь набок. – Я так надеялась, что мне всё приснилось. Что вы опять гогочете, как гуси на лугу?

– Да так, – махнул рукой Гений, подхватив из миски круглый плод, похожий на яблоко и смачно вгрызаясь в его мякоть зубами. – Прощто ыыдать надоело.

Он спрятал в карман кубики и звездой разлёгся на полу.

– В туалет устанавливаем очередь, я первая, – вскочила Ольга и скрылась в углублении пещеры.

Ян молча встал и также молча начал разминаться. Перед сном он скинул футболку и теперь ребята могли рассмотреть на его спине красивого цветного дракона. Его крылья переходили на предплечья, а кончик хвоста скрывался за плотной резинкой трикотажных шорт. Друзья уставились на него как заворожённые.

– Что? – наконец-то Ян обратил внимание на обращённые взгляды.

– Мощна-а-а, – протянула Эмма. – Я думала, у тебя только руки забиты. Спину-то твою мы никогда не видели. Можно потрогать?

Ян пожал плечами и повернулся к ней спиной. Она мягкими прикосновениями пальцев прошлась по всему рисунку и замерла на пояснице.

– Далеко уходит хвост? – невинно поинтересовалась Эмма.

– Недалеко, – посмотрев на неё через плечо, усмехнулся Ян. – Но ты не увидишь.

– Давайте завтракать. А то непонятно, что нас сегодня ждёт, – ревниво отвлёл девушку Гений.

И как в воду глядел.

Ребята позавтракали и разбрелись по своей темнице кто куда. Разговаривать особо не хотелось. Обсуждать было нечего. Как сказал вчера Гений – данных для построения гипотез ничтожно мало. Сызоев смотрел на своих друзей и размышлял о том, почему они все такие спокойные. Вот Ян, уже натянул футболку и медленно расхаживает из угла в угол, словно в сквере прогуливается. Девочки шепчутся друг с другом. Сызоев повернулся к Гению. Тот развалился на

лежанке и гонял шарики в телефоне.

– Мне кажется странным, что в такой необычной ситуации мы всё очень спокойно себя ведём, – сказал Сызоев, толкнув друга локтем вбок и устраиваясь рядом.

– А смысл беспокоится? – Гений выключил телефон и закинул руки за голову. – Вот смотри. На данный момент, что мы имеем? Мы в тепле. Сыты. И выспались. Прямо сейчас нам ничего не угрожает. Опять же выбраться самостоятельно мы не можем. Требований нам никаких не предъявили. Чего паниковать раньше времени?

– А девочки?

– А девочки нам всецело доверяют. И правильно делают, – Гений потянулся, перевернулся на живот и понизил голос. – Если уж на то пошло, то я за Яна больше беспокоюсь.

– Почему? – встрепенулся Сызоев и придвинулся к Гению, чтобы лучше слышать.

– Ты его биографию знаешь?

Сызоев помотал головой и коротко зыркнул на Яна. Тот, как не в чём ни бывало, отжимался от пола.

– А вот я порылся. – Гений приподнялся из-за плеча и тоже посмотрел на телохранителя Эммы. – Из одного плена он выбрался. Сам. Он у нас, знаешь, боевая машина. Но у любой машины есть свой запас прочности. Так что ты наблюдай за ним краем глаза. Я вот второй год за ним смотрю, но пока всё норм.

– Фига себе какого парня родители к дочери приставили.

А мотивация? Боялись похищения и вот оно случилось? – Сызоев резко сел на лежанке и обхватил свои колени.

– Для похищения всё слишком сложно и заморочено. Слишком! Мало данных, друг мой, мало данных. Ждём.

Пока друзья разговаривали, к гроту подошли два ящера. Один из них жестом предложил всей компании выйти.

– Мне кажется, нас зовут, – прокомментировал Гений. Он с энтузиазмом вскочил, взял с лежанки телефон и привычно засунул его в задний карман.

– Я готов.

Ребята сгрудились рядом с решёткой. Её толстые прутья изогнулись, давая возможность выйти из заточения.

– Постойте, а что у них в руках? – потрясённо прошептала Ольга, показывая на ящеров. – Это же?.. Плётка?

Один из ящеров повторил жест, приглашающий на выход, и тут уже все увидели в его лапе тонкую плётку. Короткая ручка буквально тонула в широкой кисти, а сама плеть, как змея, лежала свёрнутыми кольцами на земле.

– Садомазо какое-то, я не подписывался, – делая шаг назад, пробормотал Гений.

Второй ящер стал проявлять нетерпение, постукивая себя плёткой по бедру. Через некоторое время хаотичные похлопывания стали формироваться в определённый ритм. А ещё через пару минут ребятам казаться, что им жизненно важно выйти наружу. Соппротивление отдавалось головной болью и они, один за другим, вышли из грота. Путь снова выпря-

мились за их спинами. Ритм тут же прекратился.

– Вы видели? Как они нас? – взволнованно прошептала Ольга, приложив ладони к горящим щекам.

Все остальные вразнобой кивнули. Гений пальцами по бедру попытался повторить ритм, но ящер злобно зыркнул на него и тот сразу же забыл, что хотел сделать.

Один из ящеров шёл вперёд, второй подталкивал ребят в спины. Минут двадцать быстрым шагом они шли по ветвистому широкому коридору. Справа и слева иногда попадались углубления, а в них такие же гроты, из которого только что вышли ребята. Практически во всех были люди. И коридор, и пещера сегодня освещались настолько ярко, что было прекрасно видно, что происходит в темницах. Пару раз впечатлительная Ольга отворачивалась от зрелищ, происшедших за решётками. То, что она видела, не укладывалось в её понятие об этичном и приемлемом в обществе поведении. Гений и Сызоев смотрели во все глаза, тихонько что-то между собой обсуждая. А Ян внимательно следил за дорогой, считая повороты и запоминая опознавательные знаки. Знаков было немного. И коридор, и гроты структуру имели чёткую. За каждым поворотом картина повторялась настолько идентично, словно это были соты. Разница была только в количестве людей за решётками, но эта величина вряд ли была постоянна, и Ян недовольно кусал губы. Эмма шла, погруженная в свои мысли, чётко следуя за ящером и по сторонам не смотрела.

Именно поэтому она не заметила, как после очередного поворота идущий впереди ящер неожиданно резко ушёл в сторону, очутился за спиной девушки и со всей силой толкнул её вперёд. От неожиданности она упала на четвереньки, но тут же вскочила. Под ногами мелкий песок, вместо глянца камня. Много света со всех сторон. Ослепляет. И шум в ушах. «Арена? – почему-то именно это сравнение промелькнуло в голове Эммы. – А где же наши?» Она завертела головой и с ужасом увидела, что к ней со всех ног бегут две голые женщины. Длинные спутанные волосы, перекошенные от злобы лица. Они размахивали короткими гибкими палками, громко и воинственно крича.

«Какого чёрта? – подумала Эмма, приставив ладонь козырьком ко лбу и пытаясь разглядеть бегущих. – Какого! Грёбаного! Чёрта!» В панике от увиденного она повернулась к бегущим спиной и... рванула вглубь арены. Ноги увязали в песке, дыхание тут же сбилось. Страх накрыл девушку с головой, и она уже ничего не видела перед собой.

– Э-э-эма-а-а, – услышала она крик Ольги и повернула на голос.

Одна из женщин почти догнала её и, размахнувшись своей палкой, ударила девушку. Но попала только кончиком по бедру. Она размахнулась ещё раз. Потом ещё раз.

– Э-э-эма-а-а! Беги-и-и-и! – снова раздался крик Ольги
Эмма завертела головой и увидела, как ей навстречу бегут друзья. И тут очередной удар достиг цели и чуть не сбил её с

ног. Взвыв от боли, Эмма побежала ещё быстрее. Поравнявшись с ребятами, она рухнула на песок и, перекатившись на спину, схватилась за бок. Догонявшие Эмму женщины резко затормозили, развернулись и бегом бросились обратно.

– Ты... как?.. – запыхавшись от быстрого бега, спросила Ольга.

Она с размаху рухнула рядом с Эммой на колени и принялась её ощупывать.

– Всё цело?

– Надо было чаще ходить на фитнес... Сука, как же больно! – Эмма скрючилась как эмбрион и пыталась восстановить дыхание. – Что это вообще было?!

– Ребята, – Ян всматривался в происходящее на арене. – Мне это ни хрена не нравится. Смотрите.

От бортов арены в их сторону шло человек шесть. Люди шли медленно, периодически взмахивая своими палками и подбадривая себя выкриками.

– Что-то мне подсказывает, что придётся драться, – сквозь зубы сказал Ян, разминая пальцы рук.

– Драться? Я больше не дерусь, вы же знаете, – запаниковала Ольга.

– Значит, ты сидишь и не высовываешься, – поднимаясь и всё ещё держась за бок, процедила Эмма. – А я вон той сучке кое-что задолжала.

– Слушай, Эмма, ты крута, и мы все это знаем, но ты уже своё получила, ладно? – попытался образумить девушку Ян.

– Прохладно! – зло зыркнула на него Эмма.

– Что? Вспомним школу? – толкнул подругу в плечо Генний и фальшиво пропел. – «Школьная пора, и при всякой погоде пропадали пропадом мы во дворах».

– Только ты всё равно держись как бы наподхвате, хорошо? – внимательно следя за перемещением людей, произнёс Ян. – Будем надеяться, что никакой технике боя они не обучены. А значит, дерёмся как со шпаной – разделяя и властвуя. Главное – не упасть. И смотрите, судя по всему, палки гибкие. Не очень длинные, но под удар лучше не попадать. Ждём.

– Боже мой, – простонала Ольга и в шоке закрыла лицо руками.

Всё это время Сызоев пытался рассмотреть, что происходит вокруг. Глаза уже привыкли к яркому свету и можно было разглядеть, что площадка с песком, где они сейчас находились, квадратная. Там, где заканчивался песок, стояли ограждения, похожие на невысокие длинные тумбы. Между ними широкие проходы. В один из таких проходов их и вытолкали сюда. А вот по другую сторону этих бортов происходило интересное. Там толпились ящеры. Много. Они стояли небольшими группками и внимательно следили за происходящим на песке. Все они были с плётками и вели себя ящеры, точь-в-точь как футбольные фанаты. Воодушевлённо порывивали, потрясали плётками и толкали друг друга в предвкушении зрелища.

И тут Сызоев разглядел совсем другого ящера. Тот был одет в длинный фиолетовый балахон, полностью скрывающий фигуру. Из-под балахона торчала лапа, сжимающая длинную, тонкую палку, похожую на стек. Казалось, что эта рептилия была абсолютна расслаблена. Стек спокойно лежал у него на плече. Сам ящер переводил взгляд со своих сородичей на арену и обратно.

«Что же у них любовь какая. К палкам», – недовольно подумал Сызоев.

В этот момент ящер со стеклом повернулся в его сторону, и взгляды их встретились. На мгновение Сызоева окатила волна любопытства, явно исходящая от этого существа. Ящер развернулся всем телом, опустил стек, и чуть наклонил голову. «Что здесь происходит?» – подумал Сызоев и отзеркалил движение ящера. Тот заинтересованно пялился на парня. Упустив из внимания арену, Сызоев пропустил начало драки и получил удар по голове.

...Было очень холодно, хотелось нащупать слетевшее во сне одеяло, натянуть на себя, закутаться с головой и согреться. Он чувствовал себя холодным туманом. Туману не нужно одеяло. Туман стелется в ложине и пропадает к утру. А чтобы натянуть одеяло, нужна рука. Но у тумана нет рук. То тут, то там вспыхивали кратковременные точки тепла, как

гнилушки на болоте, и он потянулся к ним. Потянулся всеми силами. И эти точки стали увеличиваться в размерах и сквозь туман стал пробиваться шум:

– Ро-о-ома-а-а...

Кто-то звал его такими странными звуками.

– Ро-о-ом, – услышал он ещё раз совсем рядом.

Рядом с теплом, к которому он тянулся.

– Сызоев, – нараспев сказал тот же голос, и на него разом обрушились звуки и тяжесть собственного тела.

А вслед за ними – память, знания и чувства. И сразу прошёл холод.

Сызоев открыл глаза. Тёплый песок арены. Его голова лежит на коленях у Ольги. Она обнимала его за плечи и слегка баюкала.

– Ты так напугал меня, – с дрожью в голосе сказала Ольга.

Она заплакала и, наклонившись над ним, обхватила его голову руками и прижала к себе.

– Ужасно напугал. Я думала, ты умер. Тебя так сильно ударили!

– Ты делаешь мне больно, Оль. Отпусти, – прошептал Сызоев и добавил. – Пожалуйста.

– Да, да, – Ольга выпрямилась и убрала руки, поспешно вытерла слёзы и улыбнулась. – А мы победили. Ян правильно сказал, никакой техники боя.

– Мы победили, а ты всё пропустил! Провалился в объятьях юной девы, неудачник! – Гений резво размахивал гиб-

кой палкой, отобранной у менее удачливого соперника. – Гибкая, зараза. Это хреновиной так больно получать.

– Ещё не ясно, кто тут неудачник, – усмехнулся Ян, потирая покрасневшее плечо.

– Аргумент, – снова взмахнул палкой Гений.

Эмма стояла чуть в отдалении и сосредоточенно рассматривала свои руки. За пределами площадки с песком были слышны единичные звуки: рассекающие воздух плётки, крики, топот, горловые выкрики ящеров.

– Вообще-то, нам сегодня просто повезло, – начал говорить Ян.

– Повезло? Повезло?! – в раздражении крикнула Эмма, с остервенением топнув ногой. – Я ноготь сломала!!

Гений хмыкнул, сдерживая смех и девушка бросила на него полный злобы взгляд.

– Действительно, – серьёзно согласился Ян.

И, не выдержав, засмеялся. Следом расхохотались Гений и Сызоев. Ольга улыбалась, размазывая слёзы. Эмма пыталась остановить веселье суровым взглядом, но в конце концов, и сама сдалась, расхохотавшись со всеми.

– Сволочи вы, – смеясь проговорила она.

Они смеялись, а за их спинами разворачивалось ещё одно действие. Один из ящеров вышел на арену. Распустил кольца

плётки и застыл в ожидании. В этот момент к друзьям подошёл ещё один его собрат и, подталкивая в спины, направил ребят к выходу. Дойдя до низкого бортика, Ян оглянулся на шум за спиной и присвистнул. Остальные тоже повернулись.

Ящер на арене дрался. Один против большого количества людей. Ян попытался сосчитать, сколько мужчин одновременно атаковали ящера. Десять? Двенадцать? Они напрыгивали на него, словно цепные псы, пытаясь нанести удары. Но плётка в лапе ящера была проворнее. Он выписывал ею замысловатые узоры и всегда достигал цели. А в руках у людей были...

– Это у них что? Ножи? – с удивлением воскликнул Ян.

Ян посмотрел на сопровождающего их ящера, но тот неотрывно и с огромным интересом смотрел на схватку.

Выбрав момент один из нападавших извернулся и всадил нож ящеру в спину. Тот пошатнулся, и этого хватило, чтобы остальные накиннулись на него одновременно, как шакалы, почувствовавшие запах крови. Ящер упал, и в этой куче уже не было видно, что происходит. Люди кричали и продолжали наносить удары. Запрыгивали на ящера с ногами и кололи его ножами. Внезапно, из одного из проходов на песок вылетел ящер в фиолетовом балахоне. Стек в его лапе стал резко рассекать воздух вокруг дерущихся, при этом ни один из ударов не опускался на людей. Воздух на арене и вокруг неё сгустился, казалось, ещё немного, и его можно будет есть как кисель. Стало тяжело дышать. Нападавшие на ящера лю-

ди бросали ножи и, скалясь, отступали. Всё стихло. Ящер в балахоне опустил стек и медленно обвёл взглядом всех, кто стоял за кромкой. Воздух стал ещё гуще. Ольга закашляла и пошатнулась. Сызоев не глядя обнял её за плечи, не давая упасть. Ящеры с плётками отводили взгляд, склоняли головы и отворачивались. А потом стали быстро уходить, увводя людей.

Ярость

В полной тишине ребят вели тем же маршрутом. Сызов пошатывался и передвигался очень осторожно. Ему казалось, что тело стало невесомым. Настолько, что, оттолкнувшись от пола непременно взлетит. Рядом с ним шла обеспокоенная Ольга. Она поглядывала на парня, хмурясь и стараясь держаться поближе. Иногда Сызов хватался за её руку и прикосновения эти ощущались воздушными. От этих прикосновений Ольга хмурилась ещё больше, потому что видела, как сильно сжимал её запястье Сызов, но силу эту на своей руке не ощущала. «Как такое может быть», – думала она и не могла придумать ни одного объяснения. Эмма шла, скрестив руки за спиной и опустив голову. Следом за ней тенью двигаться Ян. Впереди Гений помахивал отвоёванной в бою палкой так, будто норовил попасть по телу ящера. Тот быстро скользил из стороны в сторону, и каждый раз палка Гения попадала в пустое место. Он не оставлял надежд и снова замахивался. Ящер ни разу не обернулся.

– Похоже, этот фиолетовый у них главный, – выдал Гений, как только за ними сомкнулись решётки и ящер отошёл на приличное расстояние. – Не хило он нас всех приложил. Бене Гессерит чешуйчатый.

– Я всё ещё не могу поверить в реальность происходящего. Подтверждений масса. Хоть ложкой ешь, а не могу, – про-

бурчала Эмма, потирая бок.

– Оль, где там мазь, что тебе ящерица вчера принесла? – глядя на мучения подруги, спросил Гений.

– Да, пришло время проверить её на себе, – согласился с ним Ян.

Ольга молча подала ему кожаный мешочек. Ян подцепил пальцем густую жёлтую массу и принялся.

– Фуууу, она так воняет.

Скривившись, он стал наносить её на повреждённое плечо, прислушиваясь к своим ощущениям. Хмыкнул недоверчиво и передал мешочек дальше.

– Уж не знаю, что это за шоу. Что за эксперименты, но... что им надо? А ещё знаете, что меня интересует... – Ян пошевелил плечом и улыбнулся. – Смотри-ка, быстро работает.

– Что они от нас хотят? – не дожидаясь, закончил за него мысль Гений, поигрывая трофеем.

– Кто все эти люди? – развалившись на лежанке, добавил Сызоев.

– Как балахонистый смог прекратить драку? – пробормотала Эмма сосредоточенно натирая покалеченный бок.

– Как нам вернуться домой? – робко встала Ольга.

Ян переводил взгляд с одного на другого, следуя за задаваемыми вопросами.

– Вы понимаете, что сейчас впервые за два года включили меня в свою словесную вертушку? – удивлённо проговорил он. – Но мой вопрос звучал по-другому. Мне интересно, по-

чему мы воспринимаем всё, что происходит вокруг сейчас спокойно?

Ребята промолчали.

– А как ещё это всё воспринимать? – Гений вскочил со своего места и подошёл к Яну вплотную.

Глядя в упор на телохранителя, Гений тихо сказал:

– Мы в плену, Ян. Как нам сбежать?

Ян на мгновение прищурился и чуть повёл головой, но быстро успокоился.

– Я не знаю, Гений, – также не громко ответил парень, не опуская взгляд.

Они стояли друг напротив друга, не спуская глаз, словно мысленно боролись за что-то понятное только им одним. Эту дуэль прервал ящер. Он принёс обед.

Ребята поели в тишине и снова разбрелись по гроту. Сызоев от еды отказался. Он так и не вставал с лежанки.

– Что пошло не так в той драке? – спросил Гений ни к кому конкретно не обращаясь.

– Ящер упал, – заметил Ян. – И люди смогли его одолеть.

– Мне кажется, это не люди, – поправила их Ольга, и все застыли.

– Продолжай, – Сызоев сел и с интересом уставился на Ольгу.

– Ну, понимаешь... Они ведут себя... Вы знаете, у моего дяди есть собаки. Я никогда не рассказывала о нём, потому что вспоминать неприятно. Да и не виделись мы с ним дав-

но. Последний раз в детстве, – Ольга заволновалась и пере-скакивала с одного на другое.

Эмма подошла и обняла её за плечи.

– Он живёт за городом. И у него несколько собак. Все бой-цовские. Дом его охраняют, он их по ночам спускает с цепей – вся округа боится. И его. И собак его тоже. Дрессирует он их. Так вот, мне показалось... неуловимо... что эти люди... Они как собаки.

– Собаки... – медленно произнёс Сызоев.

– Дрессировка, – в тон ему проговорил Гений.

– Зачем? – спросила Эмма.

– Нам не спастись. – завершил круг Ян.

На следующий день ребята не сразу заметили, что рядом с их гротом неподвижно стоит ящер. Стоял он около стены и внимательно наблюдал за всей компанией.

– Балахон напялил. Приделся, – разглядывая зелёное одеяние нового надзирателя, заметил Ян. – Как они в этом ходят, оно же длинное.

– И плётку где-то оставил, – ехидно заметил Гений.

Он подошёл вплотную к решётке и принялся разглядывать ящера, наклоня голову то в одну сторону, то в другую.

– Может, это не вчерашний наш надзиратель. А другой. Они все на одно лицо! В смысле, морду. А может один и тот

же, только форма одежды разная, – Эмма тоже подошла к решётке и разглядывала ящера сквозь прутья. – У него что-то над ухом торчит.

– Где? – любопытная Ольга тут же подскочила к подруге. – Это пёрышко! Такое милое. А как оно держится? Ой, нет. Всё-таки разные ящеры. Вон наш идёт. С плёткой который.

Девушки, не сговариваясь ушли вглубь пещеры. Ящер прошёл мимо собрата, никак на него не отреагировав. Словно так никого не было. Вошёл в пещеру к ребятам и остановился посреди неё, распустив плётку по полукольцами.

– Зачем пожаловали, господин хороший? Утречко доброе, – Гений помахал рукой в приветственном жесте.

– Р-р-рау, – резко выдохнул ящер, и его плеть полоснула Гения по руке.

– Ты сдурел?! – закричал Гений.

Сызоев, находившийся на другой стороне пещеры, рванул к другу. Девушки вжались в стены грота. Ян начал медленно обходить ящера со спины.

– Р-р-рау! – снова рыкнул чешуйчатый.

Не глядя, он сбил Сызоева на пол, ударив плёткой по ногам. Следующий удар прошёлся по Яну, сметая его к стене.

– Ты вообще, что ли?! – Гений дёрнулся к Сызоеву и споткнулся о брошенную вчера палку.

Нащупав её, Гений сделал резкое движение, чтобы встать, и снова получил удар. На этот раз по ногам.

– Да ты достал!

От удара он упал на четвереньки. Сызоев поднялся и снова бросился вперёд. Не оборачиваясь, ящер сбил его ещё раз.

Стоя на коленях, Гений почувствовал, как горлу тошнотой подкатывает злоба. Личина ироничного и лёгкого человека рвётся на нём в клочья, как старая одежда. В душе поднимался и расправлял плечи невиданный доселе, загнанный в самый глухой угол подсознания древний зверь. Ярость. Она растекалась по телу парня волнами. Он не мог больше держать её в себе, да и не хотел. Ярость рвала внутри Гения всё, что он так бережно растил. Что собирал по крупинкам, выстраивая свою личность.

Когда он поднял глаза на ящера, внутри всё клокотало. Голова была готова взорваться, и белки глаз краснели от лопавшихся сосудов. Чтобы выжить, Гений закричал, выплёсывая ярость наружу:

– ДА ТЫ ДОСТАЛ!

Одним быстрым движением он вскочил на ноги и ударил. Не успев удивиться, что попал, он стал наносить удары один за другим. Ящер уворачивался и больше ни один удар Гения не попал в цель. Это было похоже на танец. Страшный. Дикий. Яростный.

– Осторожнее! – воскликнул Ян, закрывая собой девушек.

Сызоев в последний момент успел увернуться от палки Гения и отскочить к противоположной стене.

– Жень, – воскликнул он.

– Я! НЕНАВИЖУ! ЭТО! ИМЯ! – С ещё большей силой и

скоростью он стал нападать на ящера, оттесняя его к решётке. – Я! ДОСТАНУ! ТЕБЯ!

Над гротом пронёсся выдох. Долгий. Тягучий. Протяжный.

Ящер быстро и осторожно спеленал Гения плёткой и аккуратно уложил его на пол. Наклонился. Посмотрел в глаза. Распутал путы и, хлопнув по плечу, вышел из пещеры.

Оба ящера ушли.

Гений лежал на полу и не шевелился.

– Гений, скажи что-нибудь, – тихо позвала Ольга.

Парень застонал и, повернувшись набок, сжался в комок.

– Тебе больно? – Ольга подошла и тихо опустилась рядом с ним на пол.

– Мне стыдно, Ольга! Ты не представляешь, как же мне сейчас стыдно! – Сквозь зубы с трудом выговорил Гений.

– Но почему?

– Ярость. Чистой воды и высшей пробы. А Гений никогда не позволял себе такого, – ответил девушке Сызоев.

Он подошёл к другу и сел у его ног.

– Он тебя специально злил. И нас бил специально. Понимаешь? Он злил тебя, – Ян присел рядом с Гением на корточки и тронул за плечо.

– И у него получилось. И из-за этого мне стыдно.

– Перед собой? Или перед нами? – Эмма тоже села рядом с другом и погладила его по голове. – Это просто ярость, Гений. Эмоция. Глубинная. Дикая. Это не ты. Не ты пони-

маешь? Ты всё такой же. Ироничный, лёгкий, умный, безбашенный придурок, рядом с которым всем легко. И которого мы все очень любим.

Гений развернулся и снова лёг на спину. Он поймал руки Эммы и прижал её ладони к закрытым глазам.

– Спасибо, Эмма.

– Да не за что, – слегка улыбнулась она. – Пользуйся на здоровье. Слушай, а почему ты так не любишь своё имя? Просто ты никогда не рассказывал, а мы что-то и не спрашивали.

– Когда тебя назвали именем погибшей сестры, которую ты никогда не знал, приятного мало. А когда при этом постоянно говорили: «А вот она бы на твоём месте...» вообще отстой, поверь мне. Только она не на моём месте, вот ведь какая штука.

– А кто-нибудь обратил внимание на странный звук. Ну, тот. После которого всё закончилось, – после долгой паузы перевела разговор Ольга.

– Как долгий выдох? – уточнила Эмма. – Я думала, мне показалось.

– Нет, не показалось. Выдох действительно был, и сделала его та рептилия в зелёном. Больше некому. —ответил Сызоев.

– Мне очень не нравится то, что они делают. Выводят на эмоции? Получается у них это феерично, нечего сказать. Наглядно и показательно. И как нам из этого дерьма выбрать-

ся? – Ян встал, разминая ноги. – Чего нам от них ожидать? Да и от нас самих тоже.

– Ты надеешься выбраться? – устало спросил Сызоев.

– Да, Сызоев, я всегда надеюсь выбраться, – жёстко ответил Ян. – Надо только понять, что они от нас хотят. Или как-то объяснить, показать, что мы и вон те люди – разные. Мы другие. Я не знаю, что это: параллельная реальность, петля во времени, затерянный мир, как ты вчера сказал. Но мы – другие. А значит, можем выбраться из этих пещер и вернуться к самолёту. И сбегать надо с арены.

– Устроим саботаж? – Сызоев улёгся рядом с Гением на пол.

– Только надо подумать как и когда? Наша первая задача – выжить.

– Он вернулся, – охнула Ольга, посмотрев в сторону решётки.

В коридоре недалеко от входа в пещеру стоял ящер в зелёном. Белое пёрышко над ухом слегка трепетало, хотя ветра не было и в помине.

Остаток дня был прожит буднично. Вечером принесли еду. Потом убрали.

Ящер так и стоял неподвижно и смотрел на ребят. Переводил взгляд с одного на другого, рассматривал, подолгу раз-

глядывал их одежду, прислушивался к издаваемым звукам и при этом не шевелился и позы не менял. То, что он живое существо, а не статуя, можно было понять только по слегка трепещущему пёрышку и по тому, что глаза у него двигались. А вслед за глазами иногда двигалась и голова. Легкий поворот, незначительный наклон. Не так просто заметить. Только если пристально разглядывать его в ответ. Высокая крупная рептилия в совершенно бесформенном длинном балахоне. Лапы прятаны в широких рукавах.

– Умер он там, что ли? Стоя, – с раздражением заметил Ян.

Его бесило постоянное наблюдение и скрывать раздражение становилось всё тяжелее. Хотелось обсудить план побега, но Сызоев пучил глаза и косился на зелёного соглядатая. Гений весь день провалился, глядя в потолок, и отмалчивался. Девочки шушукались в уголке. В итоге Ян весь день мерил шагами пещеру. Отжимался. Умывался холодной водой, что тонкой струйкой вытекала из стены. Мандраж не проходил.

На следующее утро зелёный наблюдатель стоял всё там же.

«Он всю ночь здесь простоял?» – подумал с удивлением Ян и посмотрев на Сызоева, приподнял брови и кивнул на ящера.

Сызоев пантомиму понял правильно. Посмотрел внимательно на чешуйчатого и пожал плечами.

Сразу после завтрака бодрым шагом в грот вошёл уже знакомый ящер с плёткой.

– Давно не виделись, – пробурчал Сызоев.

Гений бодро вскочил. Дёрнул за руку Сызоева и шепнул ему: «Наблюдай». Сызоев кивнул и отошёл вглубь грота. Эмма, заметив переговоры ребят, коротко позвала:

– Эй!

Сызоев посмотрел на неё и согнув руку, описал указательным пальцем круг. Та отошла к Ольге и потом прошла чуть дальше по периметру. Ян так и стоял рядом с решёткой, и с интересом наблюдал за перемещениями ребят. Суть их он понял сразу. Так уже было несколько раз на его памяти. Гений искусно провоцировал толпу, а друзья отслеживали реакции окружающих его людей. И если чьё-то поведение начинало выходить за рамки, Гению подавали знак закругляться. Зачем им это было надо, Ян не задумывался никогда. Какая разница как люди развлекаются, главное, чтобы проблем с законом не возникало. Но чего именно хотел сейчас Гений от ящера, Ян не понимал. Но в игру включился.

Гений глубоко вздохнул. Медленно выдохнул. Улыбнулся. И развернулся к ящеру. Тот всё это время стоял, не шевелясь, словно чего-то ждал.

– Меня зовут Гений, – показал парень на себя.

А потом указал на ящера.

– А тебя?

Ящер молчал. И единственный мускул не дрогнул под идеально

подогнанной к телу чешуёй. Ящер опустил голову и его маленькие глазки смотрели на Гения неотрывно и спокойно.

– Я человек. – Гений повёл рукой, показывая на своих друзей. – Мы люди. А ты?

Краем глаза парень заметил, что ящер с пёрышком пошел велился, переступив с ноги на ногу. Его сородич повёл головой и молча начал выстукивать ритм плёткой, ударяя себя по бедру.

– Нет, нет, нет, погоди, – воскликнул Гений, вскидывая руки в останавливающем жесте. – Мы пойдём с тобой добровольно. Только давай познакомимся сначала. А то столько времени уже прошло, а мы как не родные. Кто ты? Как тебя называть? Как обращаться? Давай ещё раз. Меня зовут Гений. Я человек. Ты?

– Ндраг, – внезапно ответил ящер низким скрипучим голосом.

– Ндраг, – не веря своим ушам, повторил Гений.

За его спиной кто-то с шумом выдохнул.

– Красивое имя.

Ящер фыркнул.

– Не имя? – тут же уточнил Гений.

Он показал на себя:

– Человек.

Потом показал на ящера:

– Ндраг. Да?

Ящер молчал.

– Хорошо. Пусть так. Не имя, это точно. А это кто?

Гений кивнул в сторону рептилии с пёрышком. Не получив ответа, он двинулся в его сторону и тут же оказался на полу, сбитый точным и быстрым ударом плётки. Ольга вскрикнула. Гений вскочил и, продолжая улыбаться, спросил:

– Про него нельзя спрашивать? Или подходить нельзя?

Он опять попытался сделать шаг в сторону решётки и снова оказался на полу.

– Хорошо. Значит, подходить нельзя. Я понял. Спрашивать можно? Кто он? Как его зовут?

Ящер недовольно дёрнул плечом и всё же ответил:

– Бргет.

– Бргет, – повторил Гений.

«Бргет», – пронеслось у него в голове, растворяя мысли. «Бргет», – повторил он ещё раз про себя и почувствовал, как стены изогнулись, увеличивая пространство как в зеркальной призме. Морской ветер, давно заплутавший в коридорах и лабиринтах подземного царства, снова вернулся и как ласковый друг обнял Гения и закружил в танце. Исчезли все тревоги и страхи. Осталось только спокойное принятие всего, что происходит. Рождение в каждом вздохе. И смерть в каждом выдохе.

Мощный толчок в грудь вернул Гения в себя. Он сделал судорожный глубокий вдох и замотал головой, словно пытался стряхнуть чужое сознание.

– Атль! – зло скомандовал ящер и грубо толкнул парня.

– Атль! – рывкнул он остальным, и ребята послушно последовали к выходу.

– Если мы сейчас придём на арену, надо бежать, – тихо сказал Ян Сызоеву.

Тот кивнул.

Их привели на арену. Ян толкнул Сызоева вбок и, наклонившись, прошептал: «Выбирай направление, куда будем бежать. Здесь четыре выхода, я ещё в прошлый раз заметил. Надо выбрать тот, где будет меньше всего ящеров». Сызоев кивнул. Он сдвинулся на пару шагов к Гению и тоже зашептал: «Смотри за мной. Крикну, как в детстве и побежим». Генний настороженно зыркнул на друга и передвинулся к Ольге за спину.

Арена была почти пуста. Людей не было. Только несколько ящеров дурачились, размахивая плётками и красуясь друг перед другом. Ребят вывели к ним. Ндраг ткнул Яна рукоятью плётки, требуя выйти в центр. Он посмотрел на Сызоева, слегка пожал плечами и повёл взглядом по сторонам, мол, ищи свободный выход.

Между тем ящер выдал своему подопечному такую же палку, что была у Гения. И взмахнул плёткой. Ян увернулся. Ещё раз взмах. Опять увернулся. Другие ящеры, толпящие-

ся на арене, заинтересовались происходящим и подтянулись поближе. Они возбуждённо покрикивали, толкали друг друга локтями, поддерживали своего собрата и разочарованно мычали, когда Ян раз за разом уворачивался, даже не пытаясь вступить в бой.

– Как подростки, ей-богу, – раздражённо сказала Ольга.

– Что? – переспросил Сызоев.

Но слушать ответ Ольги не стал, потому что увидел. Увидел то, что искал. Свободный выход. Он схватил Эмму за руку и закричал:

– Шпана!

Он побежал к найденному выходу, уверенный, что Гений с Ольгой от него не отстают. На секунду оглянувшись, он заметил, что все трое бегут за ними. Ящеры за их спинами яростно закричали и стали выпускать на арену людей. Все они, повинувшись выкрикам ящеров, устремились за ними.

Ребята чувствовали себя зайцами, которых гонит свора.

– Не останавливайтесь! – крикнул Сызоев. И тут он увидел, что возле спасительного выхода появилась фигура в фиолетовом балахоне. На мгновение Сызоев испугался, но тут же понял, что лучше он приведёт сейчас друзей к этому странному, непонятному и пугающему ящеру, чем они будут бегать по арене, пока не закончатся силы и их не забьют палками. «Побег провалился, – успел подумать Сызоев. – Задача выжить осталась». Пот заливал глаза, и ему не удавалось разглядеть, как ящер реагирует на то, что ребята бегут пря-

мо на него.

– Ты... Уверен?.. – с трудом выговорила Эмма, задыхаясь от быстрого бега.

– Нет, – коротко выпалил Сызоев.

Добежав до прохода, ребята проскользнули мимо ящера со стеклом и помчались дальше. Внезапно они почувствовали, что бежать стало сложнее. Каждый шаг давался с трудом, и это состояние не было связано с усталостью.

– Я больше не могу, – прошептала Эмма и рухнула на пол.

Сызоев развернулся. Гений с трудом стоял на ногах, удерживая Ольгу. Ян упал на колени. Ящер в фиолетовом балахоне закрыл собою выход на арену и не мигая смотрел на Сызоева. За его спиной поспешно уводили людей. С каждым мгновением становилось тяжелее дышать. Как на морозе. Лёд всё ближе подбирался к парню. Он ясно слышал хруст замерзающей жизни. Холод змеился и подкрадывался к нему всё ближе и ближе подчиняя. Перестраивая всё вокруг в неведомую и только ему понятную структуру. Пропадали мысли и чувства. Пластами отказывала память. И вот на морозе остался только маленький мальчик, смотрящий влюблёнными глазами в небо. Осталась только мечта, за которую он цеплялся всю жизнь.

«Я хочу стать пилотом», – думал мальчик, ёжась от пронизывающего ветра.

«Я стану пилотом», – шептал окоченевшими губами юноша.

«Я уже пилот», – с трудом вспоминая слова, проговорил мужчина.

«Я – пилот!» – Сызоев поднял голову и встретился с властным взглядом ящера.

«Я пилот, меня зовут Роман Сызоев, я человек, – медленно проговорил он, продолжая глядеть в холодные глаза ящера. – Тебе меня не подчинить. Нет».

Он замотал головой, пытаясь стряхнуть с себя следы чужого взгляда. Не помогло. Тогда он глубоко вздохнул и закричал, взламывая, словно ледокол, лёд чужого влияния:

– НЕ-Е-Е-Е-ЕТ!!

И сразу всё пропало.

Ящер в фиолетовом балахоне равнодушно смотрел на медленно приходящих в себя ребят. Помахивая стеклом, словно тросточкой, он скользящим движением сдвинулся в сторону. В открывшийся проход с арены просочились чешуйчатые надзиратели. Взяли ребят в кольцо и под конвоем проводили в пещеру.

– Последним шёл петух. Изрядно пощипанный, но не побеждённый, – с горькой усмешкой прошептал Гений, с трудом переставляя ноги.

Ужин им не принесли.

Завтрак тоже.

Кто же вы такие

Что-то не давало покоя Сызоеву. Будто он упустил ключевую мысль. Проглядел. Увидел что-то важное краем глаза, и тут же забыл. Он прокручивал в голове весь вчерашний день. Вот они проснулись. Пришёл ндраг. Гений с ним говорил.

– Говорил..., – прошептал Сызоев.

Значит, у них есть речь. Сызоев пригладил коротко стриженные волосы. И они как-то нас понимают. При этом не удивляются. Мы же кардинально отличаемся от остальных. Одеждой, которой нет на других людях. Тем, что действуем сплочённо. Мы взаимодействуем друг с другом по-другому. Но их это всё не удивляет. Наоборот... наш надзиратель как будто... хвастается нами перед другими ящерами. Вчера Яном явно хвастались. Выставили бойца на показательный бой.

– Что-то было ещё. Я упустил...

– Ты чего там бормочешь? – пихнул его вбок Гений.

Друзья валялись на лежанке. Гений разглядывал в телефоне сделанные исподтишка фотографии. Вчера он весь вечер строчил в заметках, отключив практически все функции смартфона для сохранности батареи. Сейчас он одной машинально поглаживал Эмму по лодыжкам, которые она сложила ему на живот. Девушка молчала всё утро, периодически проваливаясь в дрему. Ольга устроилась рядом и, загляды-

вая в телефон, комментировала каждую фотографию Гению на ухо. Тот улыбался. Ян расхаживал по пещере, то просто размахивая палкой, то отработывая удары.

Очень хотелось есть.

Ребята только что поняли, что обед им тоже не принесут. Гений крикнул ящеру: «Это мелко, Хоботов!» и снова уткнулся в телефон. Никто не засмеялся.

– Пытаюсь понять, что я упустил вчера. Вертится в голове... Ребят, давайте вместе подумаем. Вчера Гений пытался говорить с ящером. Мы знаем, что с плёткой – ндраг. С пёрышком – бргет. Что это? Имена, звания? Непонятно. Если бы это было название расы, оно было бы одинаковое для обоих. Значит, в целом ящеры называются не так. То есть это либо звание, либо должность, либо что-то ещё. Не имя. Потом – речь. Получается, они владеют речью и нас понимают. Во всяком случае, вчера поняли. Но ни вот этот, – Сызоев мотнул головой в сторону постоянного соглядатая с пёрышком над ухом. – Ни тот, что был вчера на арене, речью не пользуются. Во всяком случае, мы не слышали. Между собой ндраги тоже не особо разговаривают. Покрикивают, гогочут, но я не слышал, чтобы они говорили фразами. Ни между собой, ни с людьми. Далее – люди. То же самое. Они не говорят. Рычат, вопят, но ни слова. При этом когда Гений вчера заговорил с ящером – он не удивился! Что-то ещё было. Вчера на арене. Вспоминайте. Что вы думали или говорили.

– Я сказала, что они ведут себя как подростки, – неуве-

ренно проговорила Ольга.

– Вот! – Сызоев вскочил и зашагал по пещере. – Как под-
ростки. Провоцируют друг друга на драки. Стравливают лю-
дей. Беспрекословно слушаются вот этих, – он снова махнул
рукой в сторону бргета. – И стараются не попадаться на глаза
фиолетовому.

– Какому фиолетовому? – не поняла Ольга.

– Ну этому, со стеклом. В фиолетовом балахоне, – Сызоев
сделал жест, показывая длину одежды ящеров. – Но может
быть, он не один здесь такой. Может быть, их несколько. Что
ещё? Вспоминайте. Давайте любые идеи.

– Помните, когда ндрага одного толпа забивать стала, этот
фиолетовый прибежал и только взглядом такой жути навёл,
что все потупились и разошлись чуть ли не на цыпочках, –
не открывая глаз сказала Эмма.

– Да. Ещё?

Ольга подняла руку, как в школе:

– Фиолетовые не вмешиваются, пока ндрагам не начинает
угрожать реальная опасность.

– Верно, а когда вмешиваются, делают это молча, быстро
и очень эффективно, – согласился Сызоев.

– Типа ментального удара? – предположил Гений. – Ты
просил любые идеи, даже бредовые.

– Для драк с ндрагами людям выдаются ножи, – сказал
Ян, остановившись рядом с ними. – Во всяком случае, мы
это уже видели. Но вчера мне дали палку. И, если честно, я

не понял, что он от меня хотел. Любой его удар мог достать меня, но ящер позволял мне уклониться.

– Так это не ты сам уходил от удара? – удивилась Ольга.

– Нет, – усмехнулся Ян. – Я не настолько крут. Каждый его удар мог сбить меня, но проходил рядом.

– При этом мне показалось, что он как будто хвастался тобой перед остальными. – Сызоев снова сел на лежанку. – Что мы имеем. Есть речь, но не используется. Длинных фраз мы не слышали, только команды. Каким-то образом понимают, что мы им говорим. Ведут себя как подростки. Развлекаются дрессировкой.

– И отловом, – вспомнив, как они сюда попали, добавила Эмма.

– Хорошо, если мы допустим, что ндраги – подростки, то кто тогда фиолетовый? Родитель? – спросил Ян.

– Скорее учитель, – не задумываясь ответил Гений, отрываясь от телефона. – Что? Мне так показалось. В порядке бреда. А вот кто это?

Ребята посмотрели на ящера с пёрышком, который так и стоял рядом с решёткой их грота.

– А про ментальный удар ты вполне прав. Во всяком случае вчера это было очень похоже на что-то вроде гипноза и такого сильного продавливания. Я думал, меня заморозят.

– Да, в голове знатно шумело. Но и вот эта зверюга очень непростая. Такие странные ощущения у меня вызывает этот бргет. Я даже не знаю, может быть, это просто игра моего во-

ображения. Или я действительно что-то почувствовал вчера. Но я как будто растворился. Был здесь и везде одновременно. Очень необычно. У меня было ощущение, что я на несколько секунд попал в его шкуру. И посмотрел на мир его глазами. Если они вот так всё вокруг чувствуют, я не представляю, как мы с ними можем договориться. С одной стороны, невероятно сильная концентрация. Это же сколько сил надо тратить на удерживание всего этого. С другой стороны, быть одновременно всем. Нет, это невозможно описать. Это надо почувствовать.

– Я что-то похожее испытал на арене, когда меня вырубило, – помолчав, сказал Сызоев. – Мне не понравилось. Я бы не хотел так жить постоянно.

– А я бы попробовал, – мечтательно протянул Гений.

– Ребят, а как вы думаете, они вообще разумны? – тихо спросила Ольга.

– Кто? Ящеры? – удивлённо переспросил Гений.

– Да нет. Люди.

Ольга переводила взгляд с одного на другого, словно ища поддержки и ожидая, что хоть кто-нибудь опровергнет её догадку. Скажет, что это бред, неправда. Но все молчали.

– Я думаю... нет, – ответил ей Гений.

– Слушайте, – раздражённо начала говорить Эмма, потирая виски, словно у неё разболелась голова. – Вот вы все сидите сейчас такие спокойные. Рассуждаете кто это, что это. Почему вы не думаете, как нам отсюда выбраться?

– Мы как раз думаем, Эмма, – твёрдо ответил ей Ян. – Вчерашняя попытка провалилась. Нахрапом мы их не возьмём. Они сильнее. Тупо убежать оказалось невозможно. Чего они от нас хотят? Ну хрен его знает. Мы как будто инструмент какой-то для них. Догадка Ольги ставит многое на места. Я, если честно, даже не думал о том, что люди могут быть неразумны. Я думал, может, они просто доведены до такого состояния. Но если они неразумны... Твою же ж мать! Куда мы попали?! – Ян со всего размаха ударил палкой по прутьям решётки.

Бргет даже не шелохнулся.

– Разум можно не только обрести, он может и угаснуть, – пробормотал Гений.

– Что? – переспросила Ольга.

– Планета обезьян, – пояснил Гений в полной уверенности, что этого достаточно.

– Думаешь, бесполезно пытаться доказать, что мы разумны? – подхватил мысль Сызоев.

– Ну почему же, – возразил Гений. – Можно попытаться. Вот только как? Что для них разумность? Важно ли им это вообще? Классические дикпики и математика здесь совершенно не прокатят. С музыкой я бы вообще не экспериментировал. Она у них на каком-то своём уровне. Видели же, как они с её помощью, да ещё ритм используя, с нами управляются в два счёта.

Все замолчали.

К ужину у Эммы начался жар. Ольга запаниковала, решив, что это инфекция. Но пока ребята совещались, что же им делать, в грот стремительно вошёл ящер в фиолетовом балахоне. Следом за ним в пещеру шагнули два ндрага. Не глядя на ребят, ящер подошёл к Эмме, ломано согнулся и положил свою огромную лапу ей на лоб. Простояв в этой неудобной позе несколько секунд, он сделал знак двум ндрагам, чтобы подошли. В это мгновение Ольга рванула к ящеру, схватила его за запястье и твёрдо произнесла:

– Оставьте её с нами.

Ящер посмотрел на маленькие ладони, сжавшие его лапу кольцом, и перевёл взгляд на Ольгу. Ей стало жутко. Казалось, что в глазах ящера зарождается чёрный смерч. Сейчас он выплеснется на неё, проглотит и выплюнет, как сломанную куклу. Но она продолжала держать его за лапу и не опускала взгляд. Просто не могла. Не могла позволить, чтобы их разъединили. Чтобы подругу унесли. Одиночество было самым страшным проклятием и личным кошмаром для Эммы и об этом знала только Ольга. И Ольга, маленькая преданная Оля, не думая о себе, бросила на амбразуру, защищая подругу. Так страшно ей не было ещё никогда. Ни тогда, когда защищала мать от вечно пьяного отца. Ни тогда, когда неистово дралась в младшей школе с любимым, кто смел косо на неё посмотреть. Только подружившись с ребятами, она обрела почву под ногами и готова была защищать свой маленький мирок до последнего.

И вдруг всё пропало.

Ящер осторожно, один за другим, разжал её пальцы и снял руки со своего запястья. Потом махнул ндрагам и настолько быстро вышел из грота, что краем балахона хлестнул девушку по щеке.

– Я думала, он меня убьёт, – Ольга медленно осела на пол и мелко засмеялась.

Через некоторое время ребятам принесли ужин.

После ужина к ним в грот впервые зашёл их постоянный соглядатай. В лапах он осторожно нёс маленькую плошку. Запах трав и полуденного леса тут же заполонил весь грот. Разлился по напряжённым нервам тихим спокойствием, умиротворением и нежной тишиной. Бргет подошёл к Ольге и вложил чашечку ей в руки. Потом жестами показал, что это для Эммы и ей нужно всё выпить.

– Но она же спит, – попыталась возразить Ольга, глядя на ящера снизу вверх.

Бргет посмотрел на неё долгим взглядом. Равнодушно пожал плечами. Плавнo развернулся и вышел.

– Ну хорошо, – словно соглашаясь с чем-то невысказанным, пробормотала Ольга.

Девушка вздохнула и посмотрела на ребят. Они молчали, словно отдавая ей право решать самой. «В конце концов, их

мазилка неплохо заживляет раны, – подумала она. – Будем надеяться, они знают, что делают. И я тоже».

Ольга села в изголовье подруги. Одной рукой приподняла её голову, а другой поднесла чашку прямо к губам.

– Эмма, ты слышишь меня? Тебе надо попить, – зашептала она.

К её огромному удивлению, Эмма не сопротивлялась. С закрытыми глазами покорно сделала глоток и следом ещё один.

– Молодец, – похвалила Ольга. – Тут немного. Надо выпить всё.

Эмма сделала ещё один глоток и слегка скривилась.

– Надо пить. Давай ещё глоток. – Ольга поудобнее перехватила голову Эммы, приподняв её повыше. – Пахнет приятно. Наверное, и на вкус тоже ничего.

Ольга снова поднесла чашку к губам Эммы. Та сделала глоток, сморщилась и отвернулась.

– Пожалуйста, ещё глоток. Ради нас всех.

Эмма сделала ещё один глоток и замотала головой.

– Надо пить. Пожалуйста. Ещё один глоток. Всего один. Он последний, – уговаривала Ольга, с трудом удерживая и фиксируя голову Эммы в своих объятиях. – Пожалуйста. Ты молодец.

Она снова поднесла чашку к губам подруги. Так и не открывая глаз, Эмма сделала последний глоток, и её чуть не стошнило.

Фиолетовый, как ребята окрестили про себя ящера со стеклом, приходил ночью и ещё раз утром. Эмма была слаба, но не спала и с опаской смотрела на приближающуюся рептилию. Она вздрогнула от отвращения, когда тёплая и сухая лапа ящера коснулась её лба. Но потом расслабилась. И снова закрыла глаза.

После завтрака парней забрали на арену.

Если внутренние часы не обманывали Ольгу, то ребят не было около двух часов. Всё это время Эмма тихо спала. Ольга тоже слегка задремала, примостившись рядом с подругой, и устав беспокоиться. Вскочила, когда Ян с Гением, смеясь и толкая друг друга, ввалились в грот.

– Сызоев, выходи! Выходи, подлый трус, – паясничая кричал Гений.

Оглядев пещеру, он направился к умывальне.

– Ты зря отказался. Было весело, на самом деле.

– Сызоева не приводили, – тихо сказала Ольга, и в груди у неё стал разрастаться липкий комок страха.

– Где он прячется-то? – вышел Гений, всё ещё улыбаясь.

– Его не приводили, – Ольга растерянно переводила взгляд с одного на другого.

Ян мгновенно помрачнел, а с лица Гения медленно стекла улыбка.

– Он как ушёл с вами, так и не возвращался. Что случилось?

Гений рванул к решётке. Вцепившись в прутья, заорал на бргета, который так и стоял неподвижно по ту сторону грота:

– Куда вы его дели? Где он? Куда вы дели моего друга?! Сволочи!

– Нас привели на арену и выдали ножи. Помнишь, люди с такими ножами дрались. С ящером, – начал рассказывать Ян застывшей в ужасе Ольге, пока Гений кричал на ящера и пытался трясти прутья. – Они очень острые. Прямо реально, даже не знаю, как можно их так наточить. Хорошо сбалансированные и острые. Мы должны были... ну, с этим нашим... выйти. А Сызоев упёрся и ни в какую. Не пойду, говорит, и всё. Эти с плётками вокруг него прыгают, лаются, а он как баран. Я, говорит, не буду драться и даже на арену не выйду. Короче, за ним фиолетовый пришёл. И увёл. Мы думали – сюда. А мы с Гением на арену. Дрались. Ну, как дрались. Мальчишками для битвы были. У них реакция не чета нашей. Я удар пропустил. Потом думал, что мог без руки остаться. Но эта ящерица удар свой остановила, да и залатали меня тут же.

Вопли Гения внезапно прекратились, как выключили. Ребята оглянулись. Гений стоял рядом с решёткой, безвольно опустив руки и повесив голову. Потом неторопливо развернулся. Прошёл мимо ребят к лежанке. И рухнул рядом с Эмой.

– Что-то я спать хочу сильно, – пробормотал он и отрубился.

Бргет внимательно следил за ребятами, и пёрышко над его ухом нервно трепетало. «Как будто записывает он этим пёрышком всё, что видит. Но зачем? – подумала внезапно Ольга, но потом замотала головой. – Чушь!»

Эмма слышала всё, что происходит в гроте. Но открывать глаза ей не хотелось. Если она откроет глаза, то увидит гладкие каменные стены. Прочные прутья. Раздражающий свет. Лица друзей. А хотелось услышать голос мамы, которая приходит утром и тихо говорит: «Соня-засоня, всю жизнь проспий. Вставай». И Эмма настойчиво вслушивалась. Вслушивалась в шорохи и звуки. Убеждая себя, что это всё сон. Вспоминала прикосновение лапы ящера к своему лбу и тут же начинала уговаривать саму себя: «Мне это снится. Я просто сплю. Тяжёлый, долгий, дурной сон. Не могу проснуться, но сейчас зайдёт мама. Можно будет открыть глаза и сказать: “Ты представляешь, что мне приснилось!” А потом, закутавшись в одеяло, пройти на кухню. А там папа пьёт свой неизменный утренний кофе и что-то строчит на своём навороченном ноуте, к которому даже прикасаться нельзя ни в коем случае. Но можно сесть рядом, прислониться к тёплому боку и начать рассказывать свой сон. Мама будет охать, а

папа усмехаться. А ты будешь дальше рассказывать, хватаясь за уплывающие детали и на ходу придумывая новые. Папа, захлопнув ноутбук, растреплет твои волосы и скажет: “Тебе бы романы писать с такой фантазией. Но ведь Сызоев придумал, как вас всех спасти?”

– Он нас бросил, папа, – не замечая, что произносит это вслух, прошептала Эмма.

Слёзы тихо катились из-под закрытых век. Но девушка их не замечала.

– Ты что-то сказала? – возник рядом шёпот Ольги. – Ты хочешь пить?

Эмма отчаянно замотала головой. «Нет, только не разговаривай со мной. Нет, нет, нет. Я дома. Я просто болею. Сейчас зайдёт мама. Я просто болею, как раньше». Как раньше. От этой мысли стало ещё больнее. Как раньше. До того, как она встретила своих мушкетёров. Познакомилась с Ольгой, а потом с Сызоевым и Гением. До этого она часто болела, потому что лежать и ничего не делать было проще, чем соответствовать требованиям родных. Выдерживать неприязнь одноклассников. И помнить протокол поведения. «Ты лицо семьи, доченька, – внушал папа. – Помни об этом». Носить в себе пронизывающее одиночество и как броню, презрительное: «какое мне дело до вас до всех». И только повстречав этих людей, она перестала болеть. А после школы решила уйти из дома и жить свою жизнь. Только свою. Без протоколов семьи. Без обязательных ритуалов и приёмов.

Но сейчас всё рушилось. Эмме казалось, что друзья разлетаются в разные стороны. И Эмме не удержать всех в своём жёстком кулачке. Они уже не вместе. Каждый сам по себе. «Я не хочу, – металась в своих мыслях Эмма и всё больше и больше падала в колодец собственной безнадёжности и ледяного сковывающего всё тело одиночества. – Я не хочу здесь быть. Я не хочу здесь быть одна. Одна.». Страх, как оголодавший зверь, снова вернулся к ней. Набросился, разрывая в клочья уверенность в себе, друзьях и здравом смысле, созывая на пир сомнения и панику. Одиночество. «Мне не спастись», – подумала Эмма и открыла глаза.

Решение пришло очень быстро, как старый, давно ушедший, но внезапно вернувшийся друг. «Это правильное решение, – успокоилась она и снова закрыла глаза. – Хорошее. Надо только дождаться утра. И прихода ящера».

Утром Эмма проснулась раньше всех. Она встала, напевая что-то себе под нос, и пошла умываться.

– Эмма! Я так рада! Тебе лучше? – услышала она встревоженный возглас Ольги.

– Мне зашибись, – тихо ответила Эмма.

Проходя мимо неё, Гений дружески хлопнул по плечу, она пихнула его вбок. «Всё нормально?» – не говоря ни слова, а только изогнув бровь, взглядом спросил он. Эмма слегка растянула губы в улыбке и повела головой: «Нормально». И они разошлись по разным углам пещеры.

Завтракали в тишине. Ещё вечером друзья договорились,

что утром попытаются разговорить «их» ящера и выведать, где Сызоев. «Лучше всего это сделать после боя, мне кажется, – подал мысль Ян. — На обратном пути, когда ящер будет доволен». Подумав, Гений с ним согласился.

Когда пришёл ящер, Эмма встала и тоном, не терпящим возражений, сказала:

– Я пойду с вами.

– Не надо, Эмма, – тронул девушку за локоть Ян.

Эмма зло скинула руку парня и задрала голову, уставилась на ящера.

Ндраг, пришедший за ними, смотрел на Эмму и молчал.

– Я. Пойду. С вами, – деляя паузы после каждого слова, повторила Эмма и подошла к решётке.

Ящер сделал жест на выход.

Они шли по длинному коридору, но Эмма не смотрела по сторонам. Она была настолько погружена в свои мысли, что очнулась когда ндраг вложил в её руки довольно длинный нож.

– Он очень острый, – сказал подошедший со спины Ян. – Пожалуйста, будь осторожна и лучше всего держись немножко за нашими спинами. Хорошо?

Эмма улыбнулась.

Стоя практически в самом центре арены, за спинами у друзей, она снова подумала о своём решении. «Я больше никогда не останусь одна. Тем более здесь», – сказала она сама себе. Посмотрев в глаза стоящему напротив них ящера, она

чётко, словно мантру, проговорила:

– У меня хватит сил, желания и воли.

И продолжая смотреть в глаза ндрагу, она перехватила рукоятку ножа так, чтобы заточенная сторона смотрела вверх. Направив острое лезвие себе в живот, она со всей силой ударила. Чувствуя, как металл проникает в плоть и ещё не чувствуя боли от шока, она рванула рукоять вверх. Обжигающая боль ударила разом и со всех сторон. Падая на тёплый песок, Эмма успела подумать: «Зачем так больно!»

Сознание возвращалось медленно... Так часто пишут в романах... Какой страшный сон... Чьи-то мысли крутились в чьей-то голове, как заезженная пластинка...

Сознание возвращалось медленно. Так часто пишут в романах.

Какой страшный сон.

Потом граммофонная игла словно запинается о невидимую трещину и перескакивает на начало.

Сознание возвращалось медленно.

«Это не выход», – звучит чужой голос в голове.

Есть голова. А значит, должно быть, всё остальное. И это всё остальное должно болеть.

«Это не выход. Нигде. И никогда», – снова звучит в голове.

Так часто пишут в романах.

Её голова лежит на чём-то твёрдом. Потом эту твёрдость почувствовали плечи. Потом спина. Бёдра. Ноги. Кисти рук лежали на животе. Одна на другой. Стали возвращаться за пахи. Тишина.

Какой страшный сон.

Девушка резко открыла глаза. Она лежала на лежанке в маленьком гроте. Приглушённый свет слегка освещал пещеру, и сквозь решётку был виден уходящий вдаль коридор.

Эмма осталась одна.

– Не-е-ет! – крик взорвал тишину и захлебнулся кашлем.

Сызоев наотрез отказался выходить на арену. Упёрся, как баран и не поддавался на уговоры друзей. Ндраг бил плёткой по песку, выражая крайнюю степень нетерпения, но Сызоев был упрям в своём решении. На арену не пойдёт.

К нему подошёл этот – в фиолетовом – и жестом предложил следовать за ним.

И Сызоев пошёл.

Молча шёл длинными запутанными в лабиринт коридорами вслед за ящером.

Пошёл не сопротивляясь, как баран на верёвочке. Без единой мысли. Просто переставляя ноги. Шаг. Другой. Ещё шаг. Всё дальше и дальше от арены. Мимо множества гротов. Ми-

мо уходящих в сторону коридоров. Мимо огромных открытых комнат. Ему было всё равно, куда его ведут. Всё его сознание было сосредоточено на шагах. На том, чтобы переставлять ноги: левая, правая, шаг, ещё шаг, левая, правая. И только то, что до его носа стали доноситься невозможные в пещерах запахи, встряхнуло Сызоева. Шаг его сбился, и он посмотрел по сторонам.

Ящер вывел его из пещер.

Нужно было сделать несколько шагов вперед. Несколько шагов, и под ногами будет зелёная трава, а не каменный пол. Над головой небо. В нос со всей мощью ударят запахи леса, цветов, близкого моря. Сладкой музыкой польётся шорох листьев, пение птиц, шебуршание мелких зверьков и насекомых. Легкие наполнятся воздухом. Настоящим, не спресованным и очищенным, а самым настоящим – лесным.

Ящер незаметно оказался за спиной у Сызоева и стал настойчиво толкать его в сторону выхода.

Всего несколько шагов. Но Сызоев замер как истукан и не мог сделать ни шага. Он застыл на границе двух миров соляным столбом. И не мог шагнуть. Ни туда. Ни обратно.

Мощный толчок в спину, и Сызоев вылетел из пещеры. Не удержался на ногах. Упал на четвереньки прямо в траву и ободрал ладони об мелкие камушки. Сев на пятки, Сызоев стал отряхивать с ладоней грязь, пытаясь слюной отмыть царапины. «Выгнали или отпустили?» – мысль билась в висок с настойчивостью дятла. «Выгнали или отпустили?» – никак

не мог он решить, вытирая тыльной стороной ладони намокшие ресницы. «Выгнали или отпустили?» – годами возвращаемая сдержанность снова пошла трещинами и что-то мутное стало прорываться наружу. «Выгнали или отпустили?» – эмоциональная броня Сызоева рушилась от этих трёх слов. «Выгнали или отпустили?» – и Сызоев сдался. Он взвыл, выплёскивая из себя злые слёзы. Он бил повреждёнными ладонями по земле, добавляя себе боли. «Суки!» – кричал он непонятно кому, просто в воздух, не решаясь оглянуться назад и посмотреть, стоит ли ещё за спиной ящер. Он чувствовал, что тот уже давно ушёл и не видит, как Сызоев плачет и кричит от того, что страшно ему до безумия. И уже не важно, выгнали или отпустили. Потому что выгнали или отпустили – ОДНОГО. А значит, ему придётся вернуться. Хотя на самом деле ему хочется бежать. Бежать без оглядки, бежать к самолёту, и будь что будет. Но он знал, что вернётся прямо сейчас. Там, в глубине пещеры, остались друзья.

Но боже мой и все суки в придачу! Как же ему страшно!

– Где Эмма? – Ольга посмотрела на парней, а потом перевела взгляд на ндрага. – ВЫ! – девушка с такой яростью выплюнула это слово, что невозмутимый ящер отшатнулся. – ВЫ! Что вы с ней сделали?!

– Ольга, – тихо позвал её Гений, стараясь оттереть с дро-

жащих рук засохшую кровь. – Оль, она сама...

– Что сама? – девушка развернулась всем корпусом к друзьям и только сейчас увидела окровавленные руки Геня и пятна подсыхающей крови на футболке Яна.

– Это что? – дрогнувшим голосом спросила Ольга и посмотрела на Яна. – Это чьё?

Ян молчал. Не мог говорить, как будто онемел. Он не спас Эмму. Не выполнил свою работу, свой долг. Потерял контроль и просрал ситуацию. Ян даже не видел, что именно сделала Эмма. Был совершенно уверен, что она выполнит его просьбу. Он ломал голову, пока шёл на арену, зачем Эмма пошла с ними. Но такого варианта он предположить не мог. Истощённый крик Геня заставил его обернуться и бежать, бежать изо всех сил, чтобы поймать падающее тело и изрезать собственные руки об острое лезвие ножа. Он видел, как рядом упал на колени Гений и что-то кричал ему, и пытался закрыть рану руками. А Ян не знал, что делать дальше, и только сжимал девушку в объятиях.

«Эмма, Эмма, что же ты наделала...» – не слыша Ольгу думал Ян, стоя посреди грота и вспоминая, что происходило на арене.

Он посмотрел на ндрага. Тот взглянул на парня своим странным немигающим взглядом, кивнул и вышел из грота. Ян перевёл взгляд на бргета, но тот так и стоял не шелохнувшись. И только белое перышко трепетало рядом с ухом сильнее обычного.

Там на арене очень быстро появились те самые ящеры. В фиолетовом и со стеками. Их было двое, и один из них осторожно забрал Эмму из рук Яна, а другой вытащил из тела нож и закрыл рану лапой. Так они и ушли. Остальные молча разошлись. Гений всё это время бесновался рядом. Он кричал. Бежал за ящерами, которые уносили Эмму, пока не врезался в невидимую стену и ещё долго молотил по ней кулаками. А Ян как будто оглох и потерял все силы. Он так и сидел на коленях на песке, опустив уже ненужные руки, и смотрел на пятна крови.

– Идём, – услышал он голос рядом. И кто-то легонько потрепал его за плечо. – Вставай. Идём. Нас ждёт Ольга.

Это был Гений. Он стоял рядом и протягивал руку. Ухватившись за неё, Ян резко встал и слегка покачнулся. Гений его удержал.

– Это её кровь? – Ян услышал голос Ольги и молча кивнул. – Она жива? – Ян неопределенно пожал плечами. – Как ты мог? Ты должен был её защитить! Охранять! Ты что, забыл кто ты?! – с тихой яростью в голосе обвиняла Ольга. – Вы и её бросили!

– Мы не бросили! – опешив от такого обвинения, воскликнул Гений.

– Бросили! – припечатала Ольга, отвернувшись от парней и

подойдя к решётке вплотную, крикнула брэгету. – Эмма жива?!

Ящер неопределенно пожал плечами.

Ольга кричала и обвиняла ребят в том, что они не защитили и не уберегли Эмму. Отпустили Сызоева. Припомнила им все грехи и оплошности. Гений молчал и только сильнее сжимал зубы и кулаки. А Ян не слышал, погрузившись в себя. Ольга не унималась.

– Тебя там не было, – тихо проговорил Гений, еле сдерживаясь.

– Да! И мне очень жаль, что меня там не было! Я бы... – продолжила кричать Ольга, утопая в собственном горе и не замечая ничего вокруг.

– Что бы ты бы? – перебил Ольгу Гений, и злость стала толчками выплескиваться из него с каждым сказанным словом, как артериальная кровь из раны. – Что бы ты сделала? Не пустила бы Эмму на арену? Так это раньше надо было делать! Ты обратила внимание на то, в каком она состоянии? Где твоя хваленая чуткость? Ты её остановила? Нет! Ты обрадовалась, что она встала. Поверила её словам. И решила, что всё снова будет как прежде. А уже никогда не будет, Ольга! Где ты была, когда она вспарывала себе живот? Ты была здесь! Ты тоже её не остановила!

Ольга быстро сделала несколько шагов к Гению и со всей силой ударила по щеке. Его голова мотнулась вправо, и злые огоньки в глазах разгорелись ещё ярче.

– Тебя. Там. Не было. – Жёстко сказал Гений и ушёл в умывальню.

Злость не стихала. Гений одним рывком сорвал с себя испачканную футболку и бросил её в угол. Потом засунул голову под холодную воду, льющуюся тонкой струйкой из стены. Но вода лилась настолько тихо, что это только раздражало. Гений выпрямился и сильно ударил кулаком в стену. Резкая боль помогла немного прийти в себя, и он стал яростно отмывать с рук засохшую кровь.

Они всегда были вместе. Неделимым целым. «Мы мушкетёры, – смеялась Эмма и добавляла. – Мои мушкетёры». Гений даже представить не мог, что это может когда-нибудь закончиться.

Он продолжал ожесточенно тереть руки.

– Как ты могла, Эмма, – прошептал он. – Как ты могла? Ты всех нас бросила.

Наконец-то отмыв кровь, Гений прислонился голой спиной к стене и впервые почувствовал, насколько она холодная.

Он не мог злиться на себя. И он злился на Эмму.

Утро облегчения не принесло. Все трое не разговаривали и даже не подходили друг к другу. Молча позавтракали и разошлись по углам. Вчерашние эмоции всё ещё кружились внутри Гения водоворотом, в который затягивало все

его чувства. Внезапно ему показалось, что злость вырвалась наружу и начинает виться вокруг него, залезает в карман и перебирает игральные кости. Гений достал кубики и подкинул их. Поймал не глядя, и снова засунул в карман. Смотреть, что выпало, не хотелось.

Когда пришёл ящер, все трое встали, но он кивнул только парням. Ольга попыталась что-то сказать, но ндраг твёрдо отодвинул её и выпустил ребят из грота.

Ян и Гений ушли, ни разу не оглянувшись на Ольгу.

Гений молчал и просто передвигал ноги. Он боялся взорваться от любого пустяка, поэтому просто считал шаги и не смотрел по сторонам. Ему очень не хватало Сызоева, настолько, что он готов был на стену лезть от нестерпимой боли в душе. Лучший друг, вечный ориентир и якорь, за который держался Гений. Только сейчас он понял, что присутствие в его жизни уверенного в себе и своей мечте пилота, помогали ему не замкнуться в собственной тьме. Не пережёвывать раз за разом мысли о погибшей сестре и о том, что он появился на свет взамен. Но не дотягивает. В глазах родителей он всегда не дотягивал до идеала. Проклятые ящерицы! Они лишили его опоры и теперь всё равно. Злость Гения была настолько плотной, что ндраг постоянно оглядывался, словно проверяя, здесь ли ещё его подопечные.

Дойдя до арены, Гений сразу шагнул вперёд. Он не стал оглядываться на Яна, уверенный, что тот пойдёт следом за ним. Злость уже плескалась на уровне горла. Ему хотелось выплеснуть её. Вырвать из себя. Дать ей волю, и будь что будет. Испытанная уже однажды ярость вернулась к нему, как к старому другу.

– Безумие похлопало меня по плечу и уселось в первый ряд партера, – прошептал Гений любимую книжную фразу, чувствуя, как его накрывает по самую макушку.

Ему было всё равно. Он больше не думал. Медленно, очень медленно на смену злости приходила ярость. Гений каждой клеточкой тела ощущал, как новое для него чувство поднимается в нём. Как накрывает по самую макушку. Как придаёт силы. Чувствовал, то длинный нож уже не просто инструмент, а продолжение тела. И ндраг, которому выпало быть его противником не так легко уклоняется от ударов. А казалось, просто выпусти свою злость, дай ярости завладеть всем телом и будет неважно, кто перед тобой. Потому что всё рухнуло ещё вчера. Потому что больше не будет, как прежде. Потому что уже всё пошло прахом и не нужен тонкий и ироничный Гений. Так зачем тогда скрывать злость. Пусть кипит и выплёскивается наружу, смешиваясь с ветром, который снова возник из ниоткуда и дует в лицо, то ли остужая, то ли зля ещё больше.

Он танцевал воинственный танец мести. Не замечая полученных ран. Не чувствуя боли от ударов. Не обращая вни-

мание, как капает кровь на песок, смешиваясь под ногами с кровью противника.

«У них такая же красная кровь, как у меня, – краем сознания заметил Гений. – Не голубая, не белая, не жёлтая. Красная. Как у меня». Мысль зацепилась и стала наполнять его сознание. «Такая же красная... Как у меня... Красная... Как у меня». Он остановился и замер. Ящер, с которым он дрался, воспользовался паузой. Уронил свою плеть и зажал рану на лапе. Сквозь пальцы просачивалась кровь. «Это сделал я?» – хотел спросить Гений, но горло пересохло и вырвался только хрип. Тогда Гений ткнул в ящера рукой, забыв про зажатый в кулаке нож. Ящер дёрнулся, но не сдвинулся с места, и острый клинок нанёс ещё один порез на коже ндрага. Гений вздрогнул и закрыл глаза. «Это всё бессмысленно, – обречённо подумал он. – Вся моя злость, желание убить и умереть, все эти драки и дрессировка, всё это бессмысленно. Потому что я не понимаю главного. Я не вижу и не понимаю, что происходит на самом деле. Бессмысленно. Как бессмысленно самое тяжёлое наказание. Если я сам не готов простить себя. А готов ли я?»

Гений как собака затряс головой. И почувствовал – что-то изменилось. Вокруг. Звуки стали глуше. Он открыл глаза и огляделся.

Большой светлый купол возник над ним. Звуки продолжали пропадать, словно кто-то невидимый выкручивал настройку громкости до минимума. Вслед за звуками стали

уходить, покрываясь рябью, картинки. Он ещё мог разглядеть сквозь завесь купола раненного ндрага. Яна, который смотрел на него во все глаза. Видел, как к куполу приближается ящер со стеклом, но не дойдя нескольких шагов, взмахивает им, и всё исчезает.

Арена. Звуки. Запахи. Ящеры. Люди. Купол схлопнулся, как мыльный пузырь летним вечером. И исчез. Только в пульсирующем сознании Геня, растянутом на миллиард миллиардов километров, прозвучали строчки из любимой книги: «Здесь я стою. Здесь и останусь».

И Геня не стало. Только морской ветер, что прилетал к нему ещё на побережье, крутился где-то рядом. Гений чувствовал его дуновение и мягкие прикосновения везде одновременно. «Ты хотел попробовать осознать, как это – жить и умирать в каждом вздохе. Быть везде каждую секунду. У тебя есть шанс. Мы начнём с концентрации».

На пустой арене стоял ящер в фиолетовом балахоне и беспокойно похлопывал себя по бедру стеклом.

Он ждал.

Через некоторое время сверху, оттуда, где лопнула сфера, на грязный песок арены упали два игральных кубика Геня и телефон.

– Нет! Нет! Нет! – закричала Ольга, срывая голос.

По коридору к ней шли ндраг и Ян. Вдвоём. В ужасе пятилась она от них и, уткнувшись спиной в стену, стала слепотарить по ней руками и замотала головой:

– Нет! Нет, вы не можете так со мной поступить! Не можете!

Ян рванулся к Ольге, опережая ндрага, и не задумываясь пролетел сквозь решётку. Прутья его пропустили. Он крепко сжал девушку в объятиях, удерживая её голову, и молчал. Ольга выла, била его кулаками и вырывалась. Ян держал. Сколько они так простояли, неизвестно. Долго. Постепенно Ольга затихла. Ян расслабил руки и стал слегка покачиваться из стороны в сторону, словно баюкая девушку.

– Ты мне ещё «чшшш» скажи, – горько усмехнулась Ольга, слегка отстраняясь от парня.

– Скажу, – серьёзно ответил Ян. – Если тебе надо.

– Не надо. Спасибо, – Ольга мягко выбралась из объятий и ушла умываться.

– Обращайся, – пожал плечами Ян и только сейчас вспомнил, что прутья пропустили его без видимой команды ндрага. Он развернулся к решётке и попытался выйти наружу. Ничего не получилось. «Ну конечно, – подумал он. – Я и не сомневался. Но проверить стоило».

– Расскажи мне, что произошло. – Ольга вернулась.

С её волос капала вода, но она не замечала её и не пыталась вытереть или встряхнуть волосы.

– Гений жив?

– Не знаю. Хочется верить, что жив. В каком-то смысле.

Ян рассказал всё, что видел. Как Гений вышел на арену. Как метался по ней словно берсерк. Как очень быстро все ндраги разогнали людей за периметр и в полной тишине смотрели на бой. Как противник Гения стал уставать и пропускать удары. Как капала кровь с обоих и смешивалась с песком. Как Гений остановился внезапно и замер. А потом над ним появился купол. Ндраги загомонили и даже захлопали, как будто видели подобное не в первый раз и это хороший знак. Потом появился фиолетовый. Подошёл к куполу. Взмахнул стеклом как плёткой. И всё исчезло.

– В смысле исчезло? – переспросила Ольга.

– Ну вот так. Он лопнул. Купол. И исчез. И Гений тоже. На арене никого уже не осталось, только этот ящер всё стоял и ждал чего-то. А потом сверху упал какой-то предмет. Мне кажется – телефон. Гения. Я хотел подойти и попросить вернуть нам его вещь, но меня не пустили. Увели.

– Я тебя больше не отпущу, – Ольга крепко схватилась за футболку Яна, как утопающий хватается за обломок мачты.

– Думаю, что пару дней меня уводить и не будут, – мягко улыбнулся Ян и осторожно высвободил край футболки из нервных пальцев девушки. – Гений сильно потрепал нашего ндрага. Ему нужно время восстановиться.



Сызоев шел по проходу. Сколько времени он уже идет по этому лабиринту он не знал. Как вернуться в широкий коридор с гротами, тоже не знал. Пещера была бесконечной. Переходы. Повороты. Сквозные комнаты. Пустые. За всё это время он не встретил ни одного ящера. «Может быть, я с самого начал свернул не туда, – устало думал Сызоев, проходя очередную пустую комнату. – Так и буду теперь бродить по коридорам, как призрак. Пещерный. Есть домовые, а я буду пещерный. Гений бы оценил». Перед очередным поворотом он положил пару камушков, которыми набил карманы, прежде чем заходить обратно в пещеру. Прошёл поворот. И увидел на полу свои же камушки, оставленные ранее. «А вот и моя булочка, – обречённо подумал он, сел на пол и устало закрыл глаза. – Я хожу по кругу».

Сызоеву казалось, что за ним наблюдают. С первых же его шагов под сводами тускло освещённой пещеры. Он резко оглядывался. Постоянно прислушивался. Внезапно останавливался. Но никого не видел и не слышал. Никто не прятался быстро за углом. Не издавал странных звуков. И не пытался выйти на контакт. Только наблюдал. Но как и откуда – было не понятно. Куда идти дальше тоже непонятно. От голода и усталости слегка кружилась голова. Внезапно он почувствовал, что под ним мелко завибрировал пол, и из дальнего ко-

ридора послышалась тихая музыка.

«Странно, – подумал Сызоев, медленно вставая и отряхиваясь. – Мне кажется, я там был».

Комната, в которую вошёл Сызоев, была огромной. Таких больших помещений он ещё не видел в этом лабиринте. И здесь было много ящеров. В светлых, практически белых балахонах, они сосредоточенно сновали по комнате, занятые своими делами. За длинными столами мыли и резали плоды, перетирали какие-то растения в кашу. В глубине, под самым ярким потоком света, можно было разглядеть непонятную пустую делянку. Вокруг столпилось несколько ящеров, и именно с их стороны слышалась музыка. Все ящеры были мельче тех, кого он видел до этого. Роста примерно с него самого. Никто не обращал на Сызоева внимания. Скользили взглядом как по пустому месту. Пройдя по стеночке к столу, на котором лежали знакомые плоды, он, воровато оглядываясь, стащил один из них. Привычно сел на пол. И тут же начал есть. Краем глаза заметил, что возле него кто-то остановился. Сызоев решился поднять глаза – рядом с ним стоял мелкий ящер и с детской непосредственностью его разглядывал. Увидев, что парень доел плод, ящер протянул ему ещё один.

– Спасибо, – пробормотал Сызоев.

Ящер оглянулся, будто его окликнули, и поспешно ушёл вглубь комнаты. Сызоев доел второй плод, прислонился спиной к стене и закрыл глаза. Здесь было очень спокойно. Уми-

ротворенно. Тихо играла музыка, и Сызоев поддался чарам мелодии, которая наигрывала что-то о тепле и свете. О том, что его ждут. Как обрадуются ему, когда он появится. Как будут его поливать и заботиться о нём. И какой он молодец, что оказался из земли. И как ему рады. «Что?» – с недоумением подумал Сызоев и, открыв глаза, посмотрел в ту сторону, откуда звучала музыка. На странной делянке появились маленькие зелёные ростки, а ящеры, стоящие рядом, продолжали петь свою тихую подбадривающую песню.

– Зачем ты вернулся? – прозвучал рядом с ним вопрос, который Сызоев скорее почувствовал, чем услышал.

Рядом с ним стоял ящер в фиолетовом балахоне. Стоял, постукивал себя по бедру стеклом, и внимательно смотрел на Сызоева. Длинные рукава практически полностью скрывали лапы, а широкие складки одеяния прятали всё тело.

– Зачем ты вернулся?

– Что они делают? – вопросом на вопрос ответил Сызоев и показал рукой на ящеров, что столпились рядом с делянкой. Ростки на ней стали выше.

– Уговаривают, – неопределенно ответил ящер. – Пойдём. Не будем мешать.

Сызоев с трудом встал и беспрекословно последовал за ящером. Некоторое время они шли молча. Ящер впереди. За ним следом Сызоев. Но на очередном повороте парень поравнялся с рептилией и спросил:

– Ты понимаешь, что я говорю, и разговариваешь на моём

языке. Как так вышло?

Ящер покосился на Сызоева, продолжая так же медленно идти по лабиринту переходов.

– Я не говорю на твоём языке. Не произношу понятные тебе слова. Я создаю вибрации. Твой мозг их ловит и конструирует. Мой мозг работает так же. Ты восприимчив.

Ящер остановился посреди коридора. Они стояли на перекрёстке трёх дорог, и ящер легко постукивал себя стеклом, словно размышляя, куда идти. Потом ещё раз спросил:

– Зачем ты вернулся?

– Потому что здесь мои друзья, – раздражаясь от усталости ответил Сызоев.

Ему было странно, почему фиолетовый раз за разом задаёт этот вопрос.

Ящер продолжал смотреть на него, словно ждал продолжения.

– Мои друзья. Люди, с которыми я был в одном гроте – мои друзья. Дружба. Понимаешь?

Ящер отрицательно покачал головой.

– Дружба. Привязанность. Близость, – пытался нащупать Сызоев хоть одно понятное ящеру слово. – Не понимаешь... Я не могу без них. Как не мог бы обойтись без руки, например.

Ящер зажал стек подмышкой и подтянул длинный рукав балахона, который скрывал обрубок лапы.

– Это не сложно.

– Мда, – протянул Сызоев. – Неудачный пример.

Хмыкнув, ящер развернулся, словно решил куда идти, и возобновил свой путь по бесконечным коридорам. Сызоев догнал его и, поравнявшись опять, спросил:

– Что это за ящеры? Там, в комнате. В белом.

– Это... – притормозил ящер и задумался, словно подбирая слово. – Дети. Да, дети. Самое близкое понятие.

– Дети? – Сызоев забежал вперед и встал перед ящером, останавливая его. – Вас обслуживают дети?

– Да, – ответил ящер. – Что ещё им делать? До состояния эмоциональной нестабильности ещё далеко. А не подчинив себе эмоции, не пройдя этот путь к познанию приступать бессмысленно.

– То есть ндраги – это ящеры в состоянии эмоциональной нестабильности? Эка ты загнул! И что они делают на арене? Выплескивают их? Дерясь, можно подчинить эмоции? Они же дерутся не на равных! Вы подставляете их под ножи! Они могут погибнуть на песке! – взволнованно произнёс Сызоев и буквально подавился вопросом.

– Да, – спокойно сказал ящер. – Таков отбор.

Он медленно обошёл застывшего Сызоева и продолжил свой путь.

– А бргет? – крикнул ему в спину Сызоев.

– Познание. Следующая ступень.

– А ты?

Ящер остановился.

– Тнгер. Наставник. Следующая ступень. Ты идёшь?

Сызовев догнал его и снова пошёл рядом.

– А люди?

– Это лого. Их в лесах полно. Хорошо поддаются дрессировке, их можно выучить понимать команды. Бргеты сразу поняли, что вы другие. Но им было интересно.

Дальше шли молча. Сызовеву казалось, что некоторые повороты и комнаты были знакомы. Он здесь проходил. Пару раз он замечал свои разбросанные камушки.

– Куда ты меня ведёшь? – забеспокоился Сызовев.

Ящер посмотрел на него, но промолчал.

– Я никуда не уйду без друзей.

Тнгер хмыкнул, продолжая идти по намеченному пути, и опять промолчал. Сызовев снова почувствовал состояние ступения, когда идёшь только потому, что переставляешь ноги. Без цели. Без смысла. Глубоко вздохнув, он попытался сбросить это состояние. Выпутаться, как из паутины. Тнгер покосился на него, но опять промолчал. Когда в конце очередного коридора показался выход из пещеры, Сызовев сказал:

– Вы провоцируете ндрагов на проявление эмоций. Управляя и манипулируя. Да? Для чего? Чтобы они достигли пика?

Ящер остановился на краю пещеры и внимательно посмотрел на своего собеседника:

– Не только ндрагов, – помолчав он добавил. – Тебе не

нужны знания. Тебе нужны объяснения. Не возвращайся сюда. Я больше не буду тебя искать.

– Я не уйду один.

Тнгер покачал головой, развернулся и ушёл в глубь пещеры.

Ян проснулся очень рано. Проснулся, словно его толкнул кто-то. Пытался вспомнить, что ему снилось, но нет. Не получалось. Только смутные воспоминания, обрывки разговора и тягостные ощущения от принятого решения. Он встал. Умылся, разгоняя остатки сна, и подошёл к решётке. За ней в тусклом свете коридора, как всегда, стоял бргет.

– Скажи мне, – парень подошёл вплотную и буквально вжался в толстые прутья, – Эмма жива?

Ящер коротко кивнул. Ян выдохнул и заметно расслабился.

– А Гений?

Ящер неопределенно повёл головой, не произнося ни звука.

– В некотором роде, да? Я понял. – Ян опустил голову, раздумывая над следующим вопросом. – Ты же знаешь, что мы другие. И все вы знаете. Не можете не знать. Видите и чувствуете. Мы другие. Не те, кого отлавливают ваши ндраги. Где Сызоев? Стал не интересен, отказавшись выйти на

арену? Он жив?

Бргет кивнул. Подумал и кивнул ещё раз.

– Я понял, – задумчиво повторил Ян. Прислонился всем телом к одному из толстых прутьев, прижался к нему щекой и, глубоко вздохнув, будто решаясь прыгнуть в воду, сказал. – У меня к тебе есть предложение.

Утром, когда солнце поднялось уже достаточно высоко, а птицы во всё горло распевали славу новому дню, из пещеры вывели Эмму. Сызоев, сидевший в тени огромного дерева, где он расположился на ночлег, порывисто встал. А потом рванул с места и обнял заторможенную девушку. В этот момент из пещеры вывели Ольгу и Яна. Бргет, что привёл их, отошёл вглубь коридора, но не ушёл. Сызоев притянул к себе Ольгу, и та разрыдалась у него на плече. Они так и стояли втроём, стиснув друг друга в объятиях, каждый по-своему переживая случившееся. Ян стоял в сторонке. Он криво улыбался и не подходил к ним. Из пещеры вышел тнгер. Подойдя к ребятам, хлопнул Сызоева по плечу. Когда тот повернулся, выпуская девушек из объятий, тнгер протянул ему телефон Геня и игральные кубики. На заблокированном экране не было обычной картинки, которую помнил Сызоев. На весь экран светилась надпись: «Мысленно с вами. Always. Ваш Гений». Ольга всхлипнула.

– Где он? – Сызоев судорожно сжал телефон.

– Теперь – везде. – Ящер помолчал. – Он хотел знаний.

Он их получит. Но у него был выбор. Он отказался. Я выведу вас на поляну. Там покажу тропинку к пляжу. Когда выйдете, дождитесь, пока уйдёт лес. А там уж... – Ящер не договорил и замолчал.

– Я остаюсь, – внезапно сказал Ян, не глядя на ребят.

Эмма резко обернулась, оторвалась от Сызоева и стремительно подошла к Яну.

– Фактически ты всё ещё работаешь на меня, – грубо сказала она ему.

– Фактически я уволен в тот момент, когда не смог тебя защитить, – мягко ответил ей парень.

Эмма быстро и крепко обняла его и тут же отстранилась.

– Спасибо.

Ян кивнул, развернулся и пошёл в пещеру. Бржет, пропустив его вперед, двинулся за ним. Словно оглушенные, ребята смотрели, как всё дальше и дальше уходит Ян по коридору, поворот, и вот он скрылся из глаз. Так ни разу и не оглянувшись.

– Надо идти, – позвал их тнгер.

Самолёт всё так же покачивался на волнах. Брошенные вещи лежали там же и даже не были запорошены песком.

Прибой вылизывал кромку пляжа. Одинокая чайка надрывно кричала о чём-то своём. Лес перешёптывался с морем и тихо рассказывал сказки. Как будто ничего не было.

– Почему мы его оставили? – растерянно спросила Ольга.

– Он обменял себя на нашу свободу, – ответил ей Сызоев. – Бреты не собирались нас отпускать.

– На НАШУ свободу, – Эмма опустила на когда-то постеленный для неё плед и обняла колени.

– Что? – не понял Сызоев.

– На нашу свободу. Мою и Ольгину. Тебя они и так отпустили, – пояснила Эмма и уткнулась лбом в колени, ещё сильнее сжимая их руками и не желая больше разговаривать.

Сызоев ещё раз посмотрел на надпись, что светилась на телефоне Геня. Он так и не положил его в карман, держал в руках, боясь выронить и потерять. Как последнюю, а может, и единственную нить, что связывала его с лучшим другом. «Всегда» как привет с того света. «Нет, ты жив, – зло прошептал он, сунув телефон и кубики в непромокаемый мешок. – Жив. Чёртов Гений, ты опять придумал себе игру. Ты жив. Я никогда не поверю».

Тёплый ветер, налетев со стороны леса, растрепал ему отросшие волосы. Сызоев разделся и вошёл в воду. Холодная. Именно то, что нужно. Холодная вода. Он медленно зашёл по пояс и поплыл. Подальше от пляжа. Мимо самолёта. В открытое море. Он плыл, поддаваясь отчаянию и горю. «Ты жив, понял!» – шептал он самому себе, рывками отдаляясь

всё дальше и дальше от берега. А потом развернулся и лёг на воду. Над ним простиралось ясное, абсолютно чистое небо. Без единого облака. Солнце светило во всю свою мощь.

– Я не знаю, как мне теперь жить со всем этим, – сказал он небу.

«А теперь ты ндраг», – прозвучал в его голове спокойный голос.

– Да чтоб тебя! – прошептал Сызоев.

– Ро-о-омка-а-а-а! – услышал он сквозь толщу воды Ольгин крик. – Ле-е-ес пропа-а-а-ал!

Сызоев напрягся и тут же ушёл с головой под воду. Минутный порыв пойти ко дну, был прерван грубым толчком под рёбра. Сызоев забарахтался, выныривая. И отфыркиваясь, поплыл к пляжу.

Вместо эпилога

Как потом выяснилось, пропадали они больше трёх месяцев. И всё это время отец Эммы настойчиво искал. Финансировал всё новые и новые поисковые экспедиции.

Когда пропал лес, вместе с ним пропал самолёт и все вещи. Телефон Геня валялся засыпанный песком, а вот кубики Сызоев так и не нашёл. Пляж на самом деле оказался частным. И не успел Ромка одеться, как к ним уже бежали.

Побережье сразу же заполнилось людьми. Трещали переговорами рации. Девушек закутали в тёплые одеяла и окружили медики. Ольга рыдала. Эмма ни на что не реагировала. Сызоев грубо отказался от предложенного пледа и упорно молчал, какие бы вопросы ему ни задавали. Они так и не договорились, что будут рассказывать.

На песок приземлился небольшой вертолёт и из него, в деловом костюме и щёгольских туфлях, выпрыгнул отец Эммы. Увидев его, девушка скинула медицинский плед и побежала к нему, увязая в песке и рыдая.

– Я всё-таки нашёл тебя, – шептал мужчина, крепко прижимая дочь к себе и глядя её по волосам. – Малышка моя, я тебя нашёл.

Он повёл её к вертолёту. Уже у самой дверцы повернулся и крикнул:

– Ольга! Роман! Загружайтесь!

Один раз ребята рассказали всё, что с ними случилось.

Сидя ночью в гостиной родителей Эммы, когда её мама ушла спать, а отец достал и поставил перед ними коньяк. Напиваясь дорогим алкоголем, словно водой и плача, они в три голоса вывалили на отца Эммы всю историю без купюр.

– Мда, – сказал он после долгой паузы, дав ребятам успокоиться. – А говорят, параллельных миров не существует.

Он сидел в глубоком кресле и немигающим взглядом смотрел на догоревшие в камине поленья.

– Идите спать, ребят. Не думаю, что эту историю надо ещё кому-нибудь рассказывать.

Тут он поднял голову и посмотрел на Сызоева.

– Ты сказал, Гений фотографировал и делал записи? Можно посмотреть?

– Фотографии стёрты. Только его заметки. Но... я не отдам Вам его телефон, – встав с ковра и вытащив из кармана телефон, сказал Сызоев.

– Мне просто интересно, что он записывал. Я при тебе прочитаю.

На следующий день девушек отправили в санаторий. Сызоев отказался. Замкнулся в себе. Ему без проблем оформили отпуск за свой счёт, и он практически закрылся в квартире. Хвала доставке, ему даже не обязательно было выходить на улицу.

Через две недели, когда он зарос и осоловел от мрачных мыслей, в его дверь настойчиво застучали.

–Сызов, открывай! – голос Эммы был твёрд.

Роман натянул застиранную футболку и треники и поплёлся к входной двери.

За порогом стояли обе девушки. Ольга тут же вошла в квартиру, потеснив Ромку плечом.

–Так нельзя, Рома, – с укоризной сказала Эмма. – Жизнь, твоя жизнь продолжается.

В четыре руки девушки быстро прибрались в квартире и посадив Сызова чистить овощи, принялись готовить ужин. За разговорами, в процессе которых Ромка сначала отмалчивался, а потом потихонечку стал включаться, прошёл вечер.

Налив всем вина, Эмма снова вышла в прихожую и вернулась с набитой бумагами холщовой сумкой.

–Что это? – поинтересовался Сызов.

– Фотографии. Наши фотографии. Старые и не только. Помнишь, перед своим днём рождения я затащила вас на фотосессию? Хотела подарок сделать. Мне на днях принесли эти снимки. Правда, там нет Яна. Но есть Гений.

Они перебирали воспоминания до глубокой ночи. И провозжая девушек к такси, Сызов полной грудью вдохнул ночной воздух и подумал, что Эмма опять права. Жизнь продолжается.

Через год Сызов получил разрешение посетить тот самый частный пляж. Он приехал. На этот раз не по воздуху. На машине. Долго бродил по пляжу. Искупался. И сидел на берегу до темноты, перечитывая заметки Гения в телефоне.

Он суеверно держал его полностью заряженным и никогда не расставался. В сотый раз перечитав всё написанное, просто смотрел на закат.

Внезапно телефон осветился входящим сообщением. У Сызоева затряслись руки, и он чуть было не выронил его в воду. Стараясь унять дрожь и выровнять дыхание, он, закрыв глаза, несколько раз глубоко вздохнул. А когда открыл, не поверил, что сообщение всё ещё в телефоне. Просто смотрел на заблокированный экран телефона, где немым укором за медлительность светило входящее сообщение. Он смахнул, чтобы разблокировать экран. Во входящем сообщении была фотография Яна. Таким его Сызоев никогда не видел. И одна фраза:

«Бро, пусть тебя оставит грусть. Жизнь продолжается. Гений».